

На правах рукописи

Паршина Ольга Николаевна

**СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ
РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ
СОВРЕМЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ
РОССИИ**

10.02.01 – Русский язык

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Саратов 2005

Работа выполнена на кафедре русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета имени Н Г Чернышевского

Научный консультант: доктор филологических наук
профессор О.Б. Сиротина

Официальные оппоненты: доктор филологических наук
профессор В.И. Аннушкин
доктор филологических наук
профессор В.В. Дементьев
доктор филологических наук
профессор Т.Н. Колокольцева

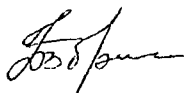
Ведущая организация: Волгоградский государственный университет

Защита состоится 17 февраля 2005 г. в 14⁰⁰ на заседании диссертационного совета Д 212.243.02 в Саратовском государственном университете имени Н.Г. Чернышевского по адресу: г. Саратов, ул. Университетская, 59. Отзывы о диссертации можно направлять по адресу: 410012, Саратов, ул. Астраханская, 83, филологический факультет СГУ, ученому секретарю диссертационного совета Ю.Н. Борисову.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Саратовского государственного университета.

Автореферат разослан 18 декабря 2004 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Ю.Н. Борисов

Актуальность исследования. При всем разнообразии проблем современного российского общества многих людей в нашей стране волнует речь представителей политической элиты. От речевого поведения политической элиты во многом зависит ее успех или провал на выборах, а следовательно, и судьба страны. Именно поэтому во всех странах, начиная со школы и заканчивая работой специалистов-имиджмейкеров, огромное внимание уделяется именно речи и шире – речевому поведению человека, претендующего на власть.

Россия только недавно стала страной публичной политики. И сами политики, и население (избиратели) оказались к этому не готовы. В публичной политике нередко наблюдаются «кухонные свары коммуналок» прошлого, что, несомненно, мешает нормальному развитию общества и страны. Это сопровождается «бумом» политологических и социологических исследований политических процессов в России.

Перестройка дала толчок и развитию анализа языка политики в России, изучению тоталитарного языка советской эпохи и постперестроечных явлений в русском языке конца XX века. Однако подавляющее большинство научных работ выполнено на материале газетных и журнальных текстов, в то время как устное речевое поведение политических лидеров современной России остается малоисследованным.

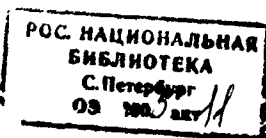
Необходимость исследования политического дискурса на материале устной речи политиков диктуется тенденциями развития политической коммуникации, наблюдаемыми в нашем обществе, а именно – значительным возрастанием роли устной, прежде всего диалогической, речи в общении и повышением значимости устной речи как формы существования языка.

Нами исследовано устное речевое поведение высшей политической элиты, представленной Президентом и членами Федерального Собрания в первую очередь, лидерами крупных политических партий (В.В. Путина, Г.Н.Селезнева, С.М. Миронова, Д.О. Рогозина, И.М. Хакамады, С.Ю. Глазьева, Г.А.Явлинского, Г.А.Зюганова, В.В.Жириновского, А.Б.Чубайса, Б.Е.Немцова и др.) Устное речевое поведение политической элиты составляет политический дискурс (речь в условиях частной жизни человека в кругу друзей и семьи, как правило, закрыта от общества, не влияет на судьбы страны и недоступна исследователю).

Объектом исследования является устный политический дискурс.

В качестве предмета исследования рассматриваются стратегии и тактики устного политического дискурса.

Цель работы – выявить стратегии и тактики речевого поведения политической элиты, определить их работоспособность и эффективность, соотнести их с языковыми средствами выражения. Данная цель определила следующие задачи исследования:

1. уточнить содержание понятия «речевая стратегия»;
2. определить виды стратегий воздействия, используемых представителями российской политической элиты;
3. выявить набор тактик, характерных для каждой стратегии, обосновать выделение специализированных и общих тактик, а также установить наиболее типичные для каждой тактики речевые средства;
4. выяснить взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность стратегий и жанров политического дискурса;
5. проследить эволюцию жанров политического дискурса с 1999 по 2004 г.;
6. дать риторические портреты отдельных политиков

Материал исследования. Исследование проводилось на материале видеозаписей речевого поведения российских политиков, осуществленных автором в период 1999-2004 гг. В составе этого материала телеинтервью с политиками, их выступления в предвыборных теледебатах, различных ток-шоу («Времена», «Глас народа», «Свобода слова», «Основной инстинкт» и т.д.), дающие возможность наблюдать особенности устной формы политического дискурса, в которой высок элемент спонтанности, а также программные, инаугурационные, поздравительные речи и т.п. Объем материала – 70 часов звучания.

В качестве дополнительного материала использовались также тексты газетных интервью политических лидеров.

Основным методом исследования в данной работе является описательный метод, включающий в себя наблюдение, сопоставление, обобщение и интерпретацию полученных фактов, а также приемы риторического анализа.

Научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые сделана попытка выделения, классификации и анализа речевых стратегий российских политиков на основе изучения используемых ими языковых средств. Результаты этого изучения и найденные приёмы анализа являются новыми и расширяют представление о современном политическом дискурсе.

Теоретическая значимость работы. В результате исследования выстраивается система применяемых политиками стратегий и тактик, оценивается их частотность и эффективность, выявляется зависимость их применения от жанра речи, от ситуации и от коммуникативного типа личности, что вносит определенный вклад в риторику и прагматику вообще и в исследования политического дискурса в частности.

Практическая ценность диссертации. Результаты исследования могут быть использованы в вузовских курсах риторики, теории речевого воздействия, речевой коммуникации. Они также могут представлять интерес для

специалистов по связям с общественностью при разработке приемов проведения выборных кампаний.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Политический дискурс неоднороден: в нем выделяется газетный дискурс печатных СМИ, устный журналистский дискурс на радио и телевидении и устный политический дискурс самих политиков, в который включаются устное публичное выступление политика в предвыборных дебатах, в ток-шоу, в различного рода телеинтервью с ним, речь в условиях «прямой линии», программная речь, инаугурационная речь и т.п.

2. В устном политическом дискурсе наиболее частотны событийные диалогические жанры. При этом наблюдаются трансформации традиционных жанров (например, дебаты трансформируются в теледебаты), иногда вызывающие жанровые модификации, в частности жанра интервью (по типу свертывания, по типу синтеза и по типу имитации). Эволюция жанров проявляется и в появлении новых жанров («прямая линия»).

3. В устном политическом дискурсе политической элиты можно выделить следующие коммуникативные стратегии: самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационную, аргументативную, агитационную и манипулятивную. В основе классификации лежит коммуникативная цель, которая понимается как прогнозируемое искомое, представление о результате, который должен быть достигнут по отношению к адресату, а также набор и типы тактик, которые используются для реализации цели.

4. Высказанная нами гипотеза о соотношении стратегии как определения направленности речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации и тактики как конкретного шага в реализации стратегии, конкретного выбора и последовательности речевых действий внутри этого шага полностью подтвердилась материалом, что позволило уточнить имеющиеся в литературе понятия стратегии и тактики. Стратегия общения реализуется в речевых тактиках, которые представляют собой выбор и последовательность речевых действий, характеризующихся своей задачей в рамках избранной коммуникативной стратегии. Выбор стратегии является определяющим фактором и выбора тех способов и средств, которые использует политик для достижения поставленной цели. Так, например, стратегия дискредитации реализуется прежде всего в тактиках обвинения и оскорбления, аргументативная стратегия – в тактиках обоснованных оценок, видения перспективы, иллюстрирования, контрастивного анализа.

5. Наряду с существованием специализированных тактик, например, тактик обвинения и оскорбления, в устном политическом дискурсе элиты можно выделить и неспецифические тактики, общие для нескольких страте-

гий. Так, тактика акцентирования может использоваться и в аргументативной стратегии, и в информационно-интерпретационной стратегии, и в стратегии формирования эмоционального настроя адресата.

6 Анализ показал, что эффективность применения той или иной стратегии или тактики зависит от ситуации общения, жанра речи, учета говорящим особенностей адресата, а их выбор во многом определяется типом речевой культуры и типом языковой личности политического лидера.

Апробация результатов исследования. По теме диссертации опубликовано 23 научные работы общим объемом 19 п.л., в том числе монография «Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России» (11 п.л.). Основные теоретические положения диссертации обсуждались на заседании научного семинара Института русского языка, литературы и журналистики при филологическом университете Саратовского государственного университета (апрель 2003 г.), на заседаниях кафедры русского языка и речевой коммуникации Саратовского государственного университета, получили апробацию на II Международном конгрессе исследователей русского языка (Москва, МГУ, март 2004 г.), IV-ой, VII-ой и VIII-ой Международных конференциях по риторике и речевой коммуникации, Международной конференции «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты» (Ростов-на-Дону, май 2004 г.), других международных, всероссийских и зональных научных конференциях, симпозиумах и семинарах в Саратове, Пятигорске, Астрахани и др.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, восьми глав («Политический дискурс и его стратегии», «Жанры устного политического дискурса», «Стратегия самопрезентации», «Стратегии борьбы за власть», «Стратегии удержания власти», «Стратегии убеждения», «Общие (неспециализированные) тактики», «Риторическая грамотность и риторические портреты отдельных политиков»), заключения и приложения. Библиографический список содержит 410 наименований.

Основное содержание диссертации

Прежде всего в диссертационном исследовании определяются теоретические проблемы и положения, на основе имеющейся научной литературы (работы А.К. Михальской, Н.А. Купиной, Е.И. Шейгал, О.С. Иссерс, И.Н. Борисовой, В.И. Карасика, В.З. Демьянкова, К.Ф. Седова, В.В. Дементьева, В.Е. Гольдина, О.Б. Сиротининой, Т.В. Анисимовой и др.) и с учетом собственных наблюдений и исследований определены основные понятия, которые используются в работе: политического дискурса, его функций, речевой стратегии, тактики, жанра и др.

Коммуникативные стратегии, реализуемые политическим лидером, являются важнейшей характеристикой его речевого поведения. Актуальность термина «стратегия» в лингвистике сопровождается отсутствием общепринятой интерпретации. Мы понимаем стратегию как определенную направленность речевого поведения в данной ситуации в интересах достижения цели коммуникации.

Исследователи называют различные коммуникативные стратегии, при этом отсутствуют четкие основания выделения типов стратегий и их соотношения с тактиками. В диссертационном исследовании представлена попытка классификации и анализа речевых стратегий российских политиков на основе изучения используемых ими языковых средств. В основу классификации мы предлагаем положить конечную цель, которую мы понимаем как прогнозируемое исковое, как представление о результате, который должен быть достигнут по отношению к адресату.

При формулировании коммуникативных целей мы воспользовались классификацией Аристотеля, которая не потеряла своей актуальности и лежит в основе многих современных концепций. Безусловно, она претерпела изменения, но сам принцип классификации остается продуктивным

Стратегии в политическом дискурсе определяются целями, которые вызывает к жизни политическое общение. Как правило, политик желает

а) побудить адресата проголосовать на выборах за определенного кандидата, партию, блок, движение и т.п.;

б) завоевать авторитет или укрепить свой имидж, «понравиться народу»;

в) убедить адресата согласиться с говорящим, его мнением, принять его точку зрения (о том, что правительство работает плохо, или что реформы идут успешно, или что «во всем виноват Чубайс»);

г) создать определенный эмоциональный настрой, вызвать определенное эмоциональное состояние адресата;

д) дать адресату новые знания, новые представления о предмете речи, информировать адресата о своей позиции по какому-либо вопросу.

Следует отметить, что в политическом дискурсе вряд ли может преследоваться цель «информировать» без желания сформировать при этом положительное или отрицательное отношение адресата к чему-либо или изменить его мировоззрение, повлиять на его образ мыслей, поэтому функция воздействия в политическом дискурсе всегда присутствует.

Для определения стратегии речевого воздействия необходимо учитывать не только коммуникативную цель, но и набор и типы тех тактик, которые используются для ее реализации. Так, побудить проголосовать за определенного кандидата можно путем предъявления убедительных аргументов, а

возможно с помощью средств саморекламы или через опорочивание, очернение политического противника в глазах избирателей.

Изучение устной политической коммуникации дало возможность выявить реализацию в качестве основных следующих коммуникативных стратегий: самопрезентации, дискредитации, нападения, самозащиты, формирования эмоционального настроения адресата, а также информационно-интерпретационной, аргументативной, агитационной и манипулятивной стратегий.

Без всякого сомнения, одной из главных задач политического лидера является задача «понравиться народу». Поэтому для успеха речевого воздействия политика в рамках политической борьбы за власть особенно важной оказывается стратегия самопрезентации.

Самопрезентация – это эмоциональная «самоподача» оратора, косвенная демонстрация психических качеств его личности для формирования определенного впечатления о нем самом и его целях. Создание положительного впечатления об адресанте актуализирует доверие аудитории к говорящему.

Наши наблюдения показали, что самопрезентация может носить как стратегический, так и тактический характер. В речевом поведении политиков, «борющихся за власть» (А.К. Михальская 1996), самопрезентация выступает как основная стратегия, а в речевом поведении политиков, «достигших власти» – как сопутствующие тактики. В любом случае сверхзадача укрепления имиджа присутствует в речи политика всегда, особенно в преддверии парламентских и президентских выборов.

Исследование речевого поведения политиков позволило нам выделить тактики, с помощью которых в политическом дискурсе реализуется стратегия самопрезентации, и сгруппировать их в зависимости от частотности употребления:

1) тактики, употребляемые всеми представителями политической элиты: тактика отождествления с кем-либо или чем-либо, тактика солидаризации с адресатом, тактика создания «своего круга», тактика дистанцирования,

2) тактики, употребляемые рядом политиков: тактика нейтрализации негативного представления о себе (С.В. Кириенко, В.В. Жириновский), тактика гипертрофирования «я – темь» (В.В. Жириновский, Г.А. Явлинский и др.), тактика акцентирования положительной информации (В.В. Путин, С.М. Миронов);

3) тактики, употребляемые лишь отдельными политиками: тактика эпатирования (В.В. Жириновский), тактика насмешки (Г.А. Явлинский) и др.

Имидж политика невозможно сформировать без использования, в первую очередь, тактики отождествления (с кем-либо или с чем-либо). Суть так-

тики отождествления – в ненарочитой демонстрации символической принадлежности к определённой социальной, статусной или политической группе

Идентификационная модель Г.А. Зюганова опирается на КПРФ, на политический вес представляемой им политической партии, демонстрируя ее силу и мощь. Это проявляется, например, в использовании им эмоционально окрашенной лексики торжественного, пафосного типа вместо конкретной критики (*Чечня / наиболее яркое и страшное выражение курса и политики / последних десяти лет //*), а также в использовании местоимения *мы* в значении «партия»:

Мы завтра можем сформировать правительство народного доверия / ограничить самовластие президента / восстановить Советскую власть и решить те проблемы / которые волнуют каждого жителя нашей страны // У нас есть такая возможность и поэтому с нами так отчаянно сражается партия власти // [РТР, «Выборы –2000», 7.03.2000]

Политик может отождествлять себя в глазах избирателей не только с политической партией, но и с государством, и с определённой социальной группой. Так, идентификационная модель В.В. Путина строится с опорой на государство. В глазах избирателей он отождествляется с такими атрибутами государства, как порядок, стабильность, законность, справедливость, устойчивость. В речи политика этот имидж находит проявление в употреблении местоимения *мы* в значении «правительство», «государство»:

Затем мы перейдём к планомерному выводу военных подразделений с территории Чечни //; Это началось не по нашей вине // Ведь не мы же напали на Чечню // [1 канал, 7.02.2000].

Имидж политического лидера должен соответствовать ожиданиям социальной среды. Стремясь привлечь избирателей на свою сторону, политик обращается к близким и понятным им ценностям. Так, например, Г.А. Зюганов использует приём апелляции к общей национальной принадлежности. См.:

Мне ЦИК отказал / чтобы я написал в анкете кандидата в президенты что я русский // Сейчас русские все узнают / они возмутятся // Это безобразно // Русский народ сегодня / самая оскорблённая и униженная нация // Единственный наиболее крупный народ оказался разделённым // [РТР, «Выборы-2000», 7.03.2000].

«Советизмы» лидера КПРФ создают образ носителя прежних ценностей (*коллективная борьба, Советская власть, дружба народов* и т.п.) в расчете на свою идентификацию с советской властью в сознании избирателей, помнящих из своего прошлого только хорошее

Чтобы быть «своим», лидер должен говорить на языке той социальной группы, которая составляет его электоральную базу. Другими словами, имидж политика предполагает четкую адресность. В речи Б.Е. Немцова часто

встречаются экспрессивные фразы, характерные для речи молодёжи (*безнадега совковая, за мной не заржавеет* и др.). Вероятно, это должно демонстрировать близость политика к молодёжной группе, создавать образ «своего парня».

Г.А. Явлинский отождествляется в сознании избирателей с узкой социальной группой образованных людей с либеральными взглядами, проживающих в крупных городах. Его речь насыщена большим количеством развернутых метафор, фразеологизмов, ссылок на прецедентные тексты, различных форм языковой игры.

В.В. Путин всегда отождествляет себя с адресатом в широком смысле, с народом, но отнюдь не только с «простыми людьми».

Несомненно, имидж политика в определенной степени предопределен социально-психологическими характеристиками группы, которой он адресован. Однако в случае с политиком общенационального масштаба такой имидж представляется слишком ограниченным. В этом случае требования к имиджу кандидата не могут быть продиктованы ожиданиями какой-либо одной группы.

Структура имиджа общенационального лидера довольно сложна. Внешнюю оболочку составляет личность самого лидера и его общие программные цели. Внутри этого «главного» имиджа можно обнаружить несколько более «узкоориентированных» имиджей.

Соответственно этим требованиям имидж В.В. Путина многогранен. Это и интеллигент: большое количество «прямых отсылок», свидетельствующих о вежливости говорящего (*Как вы знаете; уверяю вас; согласимся, что; соглашусь, наверно, с вами; вы правы, конечно* и т.д.)

Это и не публичный политик, а в большей степени чиновник, успешный управленец или юрист: он стремится аргументировать свою позицию, о чем свидетельствует подчеркнутая логичность его речи с четко выраженными условиями и причинно-следственными связями

Это и военный, разведчик: в его выступлениях нет пояснений, коррективов фраз. Эффект спонтанности создается за счет пауз обдумывания. Это человек не слова, а действия. Его речи кратки, динамичны, информационно насыщены. Закрытость бывшего «кэзэбиста» проявляется в выборе определенных синтаксических конструкций – пассивов, безличных предложений. Они эффективно воздействуют на адресата, поскольку рассматриваются как проявление предопределенного свыше решения, а не желания отдельного человека. См., напр.:

Нужно было определенное мужество / чтобы принимать определенные решения и выстраивать последовательность наших действий силового характера // [1 канал, 7 02.2000].

Довольно успешно идентифицирует себя со многими социальными группами и В.В. Жириновский.

Политик, используя тактику отождествления с адресатом, показывает себя представителем аудитории («я такой же, как и вы»), а избиратель видит в кандидате частичку себя. К языковым средствам реализации тактики отождествления с адресатом (народом) относятся

1. разговорные фразы:

Сколько дадут голосов / все мои // (К.А. Титов) [РТР, «Теледебатъ», 13.03.2000];

Вы знаете исконно русское / «Дают бери / бьют беги» // Вот это примитивно но правильно // Если кредиты дают / и на хороших условиях / глупо от них отказываться // (В.В. Путин) [1 канал, 7.02.2000];

2. афоризмы или лозунговые фразы:

Есть закон человеческий / не сдавать своих // (Г.А. Явлинский) [НТВ, «Герой дня», 14.02.2000];

Кто нас обидит / тот трех дней не проживет // (В.В. Путин) [1 канал, 7.02.2000];

3. цитирование всем известных прецедентных текстов или ссылка на них:

Не нужно считать / что после того как конъюнктура изменится / что все рухнуло / что все / «клиент уезжает / гипс снимают!» // Никакой трагедии не произошло // (В.В. Путин) [1 канал, 7.02.2000];

Я помню / и люди моего поколения помнят / массу анекдотов о водопроводчиках еще советских времен / то гайки нет / то там потекло / то здесь протекло // (В.В. Путин) [«Прямая линия», 18.12.2001].

Анализ материала показывает, что в речевом поведении политической элиты одна и та же тактика может иметь разное речевое воплощение. Это зависит от ситуации общения, особенностей адресата, а также от статуса политика, его индивидуально-психологических характеристик и культурного уровня. Некоторые политики (например, Г.А. Зюганов) применяют приёмы построения имиджа трафаретно, штампованно. Другие (Б.Е. Немцов) не демонстрируют обдуманной стратегии самопрезентации. Третьи (Г.А. Явлинский) оказываются в плену созданного ими образа.

Думается, одним из слагаемых успеха на политическом поприще В.В. Путина является умелое использование им основных тактик стратегии самопрезентации – тактики отождествления (во всех её разновидностях) и тактики солидаризации с адресатом в сочетании с максимально большим спектром языковых реализаций этих тактик.

В целом, успех речевого воздействия обеспечивается набором тактик, а эффективное применение тактик зависит от выбора их речевого воплощения

Политический дискурс отражает борьбу за власть. Наши материалы показывают, что в речи политиков агональная функция реализуется прежде всего в стратегии дискредитации. Цель стратегии дискредитации – подорвать авторитет дискредитируемого объекта, унижить его, опорочить, очернить в глазах избирателей. Стратегия дискредитации реализуется в первую очередь в *тактике обвинения* и *тактике оскорбления*. На уровне языкового воплощения тактики обвинения и оскорбления манифестируются прежде всего употреблением номинаций с резко отрицательной окраской, оценочных эпитетов с отрицательным компонентом значения, ярлыков, инвектив, метафорических моделей с негативной оценкой и т.п.

Следует учитывать, что в политическом дискурсе стратегия дискредитации предполагает публичность речевых действий и рассчитана прежде всего на реакцию наблюдателей (т.е. избирателей), хотя в ситуации непосредственного присутствия политического противника может быть направлена и на него (ток-шоу, теледебаты). В последнем случае, по нашему мнению, мы имеем дело с другой агональной стратегией, с разновидностью стратегии дискредитации – стратегией нападения. Помимо уже названной задачи – опорочить политического оппонента, стратегия нападения может преследовать цель вывести его из равновесия оскорблениями, ложью, клеветой, задеть его чувства, заставить защищаться и тем самым лишить возможности высказать свою позицию.

Опорочивание политического оппонента может достигаться и с помощью способов и средств психологической обработки аудитории, с помощью манипулятивных приемов и тактик. Вряд ли возможно четко разграничить манипулятивную стратегию и стратегию дискредитации. Цели воздействия у них зачастую совпадают. Но не всегда целью манипулятивного воздействия является подрыв авторитета дискредитируемого объекта, например, если правительство хочет, используя спекулятивные приемы, оправдать какие-то свои неправомерные действия. Реализация стратегии дискредитации и стратегии нападения в речи политиков – это одно из проявлений речевой агрессии, которая представляет собой особый тип речевого воздействия.

В политической коммуникации манипуляция часто используется и в качестве стратегии, как специфическая установка на общение (и тогда манипулятивная тактика реализует манипулятивную стратегию), и в качестве приема, как ситуативное и косвенное средство воздействия (тогда это манипулятивная тактика при реализации других стратегий). Для достижения конкретной цели манипулятор организует эту тактику, включенную в подготовку и проведение основного воздействия (например, при использовании стратегии самопрезентации или информационно-интерпретационной стратегии).

В устном речевом поведении политиков используются разные манипулятивные тактики: *тактика гиперболизации*, *тактика компрометации*,

приемы подтасовки фактов, уклонения от ответа, «поспешного» обобщения и т.п.

В сравнительно небольшом интервью можно видеть обширный набор средств внушения, употребленных опытным политиком Г.А. Явлинским в спекулятивной форме.

В.В. Познер: *Как вы объясните популярность Путина?*

Г.А. Явлинский: *А я постараюсь обсудить это с другой стороны // Давайте посмотрим что за эти шесть месяцев происходило у нас в стране // Вот у нас взрывались дома // У нас началась антитеррористическая операция и превратилась в широкомасштабную войну с непонятным исходом // Потом прошли самые грязные за всю историю Российской Федерации выборы / ну самые грязные по стилистике / когда творилось на экранах в том числе первого канала / все то что люди с трудом могли принять // Потом произошла совершенно непонятная вещь особенно для тех кто например голосовал за «Единство» как за Путина // Произошло соединение коммунистов и жириновцев в такой противоестественный блок / такой КоЖиЕд появился // Потом вдруг обменяли журналиста на военных / гражданского / на военных // Потом снова стали взрываться дома в Хабаровске // Потом опять пошло предупреждение о том что все опять может взрываться // Скажите / вы действительно считаете что всему этому нет альтернативы?*

В.В. Познер: *Нет-нет / ведь я вам задал другой вопрос / как объяснить популярность Путина?*

Г.А. Явлинский: *А кто вам сказал что Путин популярен?*

В первую очередь обращает на себя внимание прием подтасовки фактов. Несколько синтаксических конструкций параллельной структуры с анафорическим наречием *потом* в качестве средства связи содержат напоминание о террористических актах, «грязных» выборах и других негативных событиях, которые произошли во время пребывания Путина у власти и за которые он может нести ответственность. Предложение с наречием *снова* оказывается в одном ряду с этими напоминаниями. Таким образом бытовое событие (утечка газа в жилом доме в Хабаровске) за неимением подходящего «свежего» факта, подтверждающего якобы бездарное руководство страной исполняющего обязанности президента Путина, умело внедряется в ряд катастроф, за которые тот должен ответить. Тем самым достигается цель – попытка дискредитации политического противника перед началом предвыборной кампании.

В приведенном выше отрывке находим и уклонение Г.А. Явлинского от ответа в форме контрвопросов с переходом к новой теме, более выигрышной (потому что обвинять легче, чем объяснять) и потому более желательной для говорящего, и риторический вопрос как навязывание своей точки зрения

Отметим, что контрвопрос – вполне допустимый прием полемики с оппонентом. Но здесь не дебаты, а интервью, инициатива в диалоге принадлежит ведущему, и задача интервьюируемого – в ответ на вопрос журналиста изложить свою позицию, свое мнение. Таким образом, политик нарушает и жанровые нормы.

Будучи имплицитным выражением утверждения, риторический вопрос в этом фрагменте выступает в качестве маркера рематической прогрессии – отправной точки в цепочке рассуждений. Это вопрос – предположение, требующий однозначного ответа. В вопросе содержится версия ответа, но вопросительная форма снимает модальность категоричности. Намерение Явлинского здесь – направить мыслительные действия слушающих по предложенной им версии. Заметим, что употребление разных видов вопросительных высказываний – одна из примечательных особенностей идиостиля лидера «Яблока».

Часто политики используют такие манипулятивные приемы, в которых идеи, суждения, оценки внедряются в сознание адресата скрыто. В речевом плане это выражается в построении высказываний с намеренно допущенными смысловыми лакунами, провоцирующими адресата на «заполнение» этих лакун не высказанными автором, но выводимыми на основе законов речевого общения суждениями. В анализируемом диалоге Г.А. Явлинского с В.В. Познером политик опять не отвечает прямо на вопрос журналиста о причинах популярности своего соперника в борьбе за президентское кресло, а сам задает ведущему серию вопросов, которые должны подвести слушателей к выводу о недостоверности данных рейтинга:

Г.А. Явлинский: *Скажите / кто был самым популярным в апреле?*

В.В. Познер: *Лужков //*

Г.А. Явлинский: *А в июле?*

В.В. Познер: *Примаков //*

Г.А. Явлинский: *А в августе? / Степашин // А потом? / Уже Путин // Сколько времени прошло между этими «безальтернативными» кандидатами? // А у нас еще кампания не началась //*

Можно отметить, что в речи политиков манипулирование достигается в языковом плане преимущественно оперированием пропозициями на текстовом уровне (в рамках фрагмента текста или отдельного предложения). Это отличает присмы манипулирования, используемые политиками, от манипуляций в языке СМИ, где, по данным исследователей (О.Н. Быкова 2000), используются единицы и лексического, и синтаксического уровней, их семантико-стилистические сочетания.

Легко предположить, что в условиях ожесточенной борьбы за власть политик, являющийся объектом дискредитации или прямого нападения, делает ответный ход, используя при этом аналогичную, «наступательную» или

же другую - «оборонительную» стратегию. Выбор одного из двух вариантов определяется типом языковой личности политического лидера, его установкой на кооперативное или же конфликтное общение, а также самой ситуацией общения.

При этом «оборона» в конкретной ситуации может выступать в качестве самостоятельной стратегии речевого поведения политика – стратегии **самозащиты**, а может сочетаться с агональными средствами воздействия, то есть переходить в «наступление». Так, в речи А.Б. Чубайса во время его известного поединка с Г.А. Явлинским [НТВ, «Глас народа», 26.11.1999] встречаются и средства защиты, и средства нападения. Это объясняется, возможно, тем, что инициатива в этих дебатах принадлежала лидеру «Яблока», а А.Б. Чубайс вынужден был менять приемы в ответ на очередной ход своего оппонента.

В другом примере [РТР, «Зеркало», 13.04.2002] Г.Н. Селезнев использует преимущественно стратегию самозащиты, чтобы отвести нападки товарищей по партии, обвинивших его в предательстве интересов КПРФ в Государственной Думе и потребовавших его ухода с поста председателя. Цель Г.Н. Селезнева - убедить в необоснованности этих обвинений в первую очередь избирателей. Его задача также показать, что невыполнение им решения руководства партии не свидетельствует об отказе от коммунистических убеждений. Г.Н. Селезнев стремился сохранить за собой голоса избирателей, что было весьма актуальным в преддверии создания им отколовшейся от КПРФ собственной партии.

Специализированной тактикой стратегии самозащиты является *тактика оправдания*. Тактика оправдания часто выступает вместе с общими *тактиками опровержения и критики*. Тактики стратегии самозащиты реализуются в основном на синтаксическом и текстовом уровнях.

Основным объектом исследования политического дискурса в лингвистике являются прежде всего стратегии манипуляции и дискредитации, в то время как они составляют далеко не весь спектр используемых приемов и средств воздействия политической коммуникации. Создается впечатление, что лидеры нации заняты лишь очернением оппонентов и манипуляцией сознанием избирателей. Однако такое поведение характерно не для всех политиков.

Наблюдения показывают, что большое место в речевой деятельности политиков, находящихся у власти, занимает воздействие на общество, осуществляемое через подачу информации и ее интерпретацию, что, конечно, не исключает при этом использования и других средств, например, отдельных приемов манипуляции.

Информационно-интерпретационная стратегия, которую используют руководители государства при информировании граждан о важнейших

событиях социальной, экономической и политической жизни, в основном представлена жанрами диалогической речи – интервью и таким новым жанровым образованием, как «прямая линия». В политических диалогах подобного типа на первый план выступает не содержательно-фактуальная информация, а содержательно-концептуальная, раскрывающая авторское понимание отношений между явлениями, фактами, событиями.

Изучение материалов выступлений Президента России, Председателя Государственной Думы, Председателя Совета Федерации позволили выявить следующие специализированные тактики в использовании ими информационно-интерпретационной стратегии: *тактика признания существования проблемы, тактика акцентирования положительной информации, тактика разъяснения, тактика комментирования, тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения и тактика указания на путь решения проблемы.*

Тактика комментирования представлена высказываниями, поясняющими смысл контекста или некоторых слов, высказываний и выражаемых ими понятий.

В реализации тактики комментирования большую роль играют так называемые дискурсивные слова. Материалы исследования показывают, что речевыми маркерами тактики комментирования обычно являются дискурсивные слова, выполняющие рефлексивную (*правда, действительно, значит,, видимо, вместе с тем, возможно*) и композиционно-строевую функцию (*прежде всего*):

Мы обязаны довести до конца и программу наших политических преобразований. // < .> Прежде всего мы реализуем реформу федеральных отношений // (В.В. Путин) [Программное выступление перед доверенными лицами, 12.02.2004].

В данном случае дискурсивное слово вводит контекст, иллюстрирующий, поясняющий общее описание действительности, которое присутствует в предыдущем контексте, констатируя при этом, что данный результат для говорящего очень важен.

Обобщающее описание ситуации (*наши действия*) уточняется с помощью обращения к конкретным примерам. В подобных случаях дискурсивы *прежде всего* оказывается близким по значению, но не тождественным вводному слову *например*, поскольку в отличие от него акцентирует не последовательность действий, а их значимость. См. также:

Прежде всего чиновники от имени государства продолжают выполнять множество незаказанных / и не нужных налогоплательщику функций / разрешительных / лицензионных / надзорных // (В.В. Путин) [Программное выступление перед доверенными лицами, 12.02.2004].

Дискурсивы используются не только при реализации информационно-

интерпретационной стратегии, но и в других тактиках. Материал фиксирует употребление дискурсивных слов *поэтому, значит, вообще, видимо, возможно, действительно, наверное, конечно* у Д.О. Рогозина, И.М. Хакамады, Б.Е. Немцова, Г.В. Бооса, С.И. Иваненко и других политиков в ответных репликах диалога. Так, Д.О. Рогозин неоднократно обращается к дискурсивам *видимо, возможно, наверное*:

Все в духе Чубайса, он, видимо, всех по себе измеряет; Возможно, все карты спутало дело «Юкоса».

Дискурсив *видимо* в соответствии со своей семантикой выражает не только предположение, но и пояснение, интерпретацию левого контекста.

Дискурсив *возможно* в инициальной позиции высказывания имеет дискурсивный статус догадки относительно ситуации. Оба эти дискурсива использованы во избежание ответственности за недостоверность высказывания.

Таким образом, тактика комментирования с помощью дискурсивных слов помогает реализовать интерпретационный замысел адресанта.

Стратегия формирования эмоционального настроения адресата реализуется в основном в выступлениях руководителей государства, обращенных к населению страны по поводу каких-либо важных событий. Это тексты разных жанров: приветственное слово, поздравление граждан с праздником, инаугурационная речь президента, обращение к населению по поводу чрезвычайных событий и т.п. В них используются как специализированные тактики, так и общие. Знание и умелое использование политиками тактик стратегии формирования эмоционального настроения адресата – залог эффективности речевого воздействия на массовую аудиторию.

Представленность той или иной тактики и их набор зависят во многом от жанра. Однако во всех жанрах используются *тактика единения, тактика обращения к эмоциям адресата, тактика учета ценностных ориентиров адресата*.

Воздействующий потенциал политических выступлений тесно связан с тем, насколько политик может реалистично оценивать ценностную систему адресата и опираться на нее в своей речи. Главное отличие политического дискурса от других видов дискурсов заключается именно в его явно выраженной апелляции к ценностной системе, существующей в данном обществе. Политический дискурс непосредственно связан с ценностными ориентациями в обществе, которые образуют его концептуальную основу.

На речевом уровне тактика учета ценностных ориентиров адресата представлена ключевыми словами, отражающими ценностные доминанты.

В торжественной речи эмоциональность дискурса определяет специфические способы воздействия, прежде всего – апелляции к доминантным ценностям культуры. Так, в инаугурационной речи В.В. Путина 7 мая 2004

года тактика учета ценностных ориентиров адресата опирается на ценности, взятые из различных сфер человеческой жизни, прежде всего это универсальные и государственные ценности.

Основная ценность, которая присутствует в выступлениях Путина, - это единство страны. См. в инаугурационной речи президента *боролся за территориальную целостность страны, за единство страны; и сейчас постепенно становимся единой страной; избавили страну от реальной угрозы распада.*

В этих высказываниях ключевыми словами, отражающими ценностные ориентиры, являются (территориальная) *целостность, единство, единый (народ)*, как негативная альтернатива – *распад*. Они представляют все составляющие концепта «единство» И это единство поддерживается не столько на рациональном уровне (одна и та же идеология, общие интересы, ценности и цели), сколько на уровне сопереживаний, эмоциональных образов.

В обращении к историческому прошлому страны В.В. Путиным подчеркиваются национальные ценности, значимые для большинства ее граждан, и прежде всего это «сила» и «величие» России:

И конечно могли гордиться авторитетом сильной но миролюбивой страны;

Мы с вами наследники тысячелетней России / родины выдающихся сынов и дочерей / тружеников / воинов // Они оставили нам в наследство великую огромную державу // Наше прошлое безусловно придает нам силы //

Экспликация ценностной системы осуществляется через использование словосочетаний существительных с прилагательными, в которых основной смысловой акцент сделан на прилагательном. Атрибутивное поле в речи президента представлено сочетаниями: *свободные люди в свободной стране; сильной страны; великую огромную державу; великой России; славная история.*

Обращает на себя внимание использование политических стереотипов: *свободные люди в свободной стране; Родины выдающихся сыновей и дочерей; страницами, которые мы впишем в биографию великой России* Образ великой страны у Путина существует не только в прошлом, но и в настоящем, и в будущем.

Это величие должно быть подкреплено новыми делами ; наши потомки будут гордиться теми страницами / которые мы с вами впишем в биографию великой России.

Образ великой страны выражается также имплицитно при перечислении достижений ее граждан в предыдущие четыре года См :

Вместе мы сумели очень много / и достигли этого только сами // Это мы сами добились высоких темпов развития нашей экономики // пре-

одолели непростое идеологическое противостояние и сейчас постепенно становимся единой нацией //

Интонационное выделение слова *сами* и его повтор подчеркивает ценностную установку на силу и величие России. Апелляция к ценностям «сила» и «величие» страны затрагивает и такую доминантную ценность русской культуры как гордость своей страной. См., например: *народ России проявил свои самые лучшие гражданские патриотические качества*. Это выражается как глагольными лексемами (*могли гордиться, будут гордиться*), так и оценочными прилагательными (*лучшие, патриотические, славная*).

Излагая в инаугурационной речи свою программу, Президент апеллирует к общечеловеческим ценностям, актуальным для современной российской действительности. Среди ценностных ориентиров здесь преобладают такие понятия, как «благополучие граждан», «здоровье», «семья». Причем, в отличие от жителей других стран, улучшение качества жизни, помощь и поддержку россияне ждут именно от государства. Путин ассоциирует свою политику именно с названными ценностями. См.:

Мы будем делать все / чтобы каждый человек мог проявить свой талант / и свои способности // чтобы в стране развивалась реальная многопартийность / укреплялись личные свободы граждан / чтобы люди в России могли получать хорошее образование / достойную социальную и медицинскую помощь // чтобы они жили в достатке / и могли завещать детям результаты своего собственного труда //

В данных высказываниях тактика учета ценностей адресата выражается именными словосочетаниями, в которых основной семантический вес имеет прилагательное с положительной оценочностью: *лучшего качества жизни, реального осязаемого роста благополучия, хорошее образование, достойную социальную и медицинскую помощь*.

Итак, можно говорить о регулярном и системном использовании В.В. Путиным тактики учета ценностных ориентиров массового адресата.

Проведенный анализ позволил выявить специфику обращения к ценностным ориентирам в российском политическом дискурсе. Во-первых, обращает на себя внимание то, что главы разных государств апеллируют к разным ценностям, о чем свидетельствует сопоставление наших наблюдений с наблюдениями исследователей немецкого и американского политических дискурсов (работы Т.В. Юдиной, Е.И. Шейгал, А.Т. Тазминой).

Во-вторых, предпринятое исследование позволило уточнить направление использования ценностных ориентиров в политическом дискурсе, а именно: обращение российских политиков в своей речи в первую очередь к государственным и общечеловеческим ценностям. Для представителей российской политической элиты наиболее релевантна группа ценностей, выделяемых по субъекту – адресату.

Тактика учета ценностных ориентиров адресата принадлежит к числу общих, неспециализированных тактик и используется и в других стратегиях, в первую очередь, в агитационной и аргументативной.

Аргументативная стратегия в политической коммуникации играет особую роль. Преследуя ту же цель, что и манипулятивная, – убедить адресата, аргументативная стратегия противостоит ей, отличаясь типом тактик. Так, например, тактика обоснованных оценок противостоит спекулятивному приему подмены объективной оценки субъективным опорочиванием, который является основным приемом манипулятивной стратегии; тактика указания на перспективу противостоит манипулятивной тактике гиперболизации, утрирования. Аргументативные тактики, в отличие от манипулятивных, основываются на разумных доводах, как рациональных, так и эмоциональных, апеллирующих к ценностям адресата.

Наблюдения показывают, что в речи современных (в том числе риторически грамотных) политических лидеров формально-логические процедуры используются не часто, поскольку политический дискурс характеризуется личностной ориентацией и эмоциональностью процесса аргументирования. Применение в полной мере методов дедукции и индукции в ходе аргументации встречается редко. В сфере политики важно не доказать истинность чего-либо, но утвердить свою мысль, привлекая на свою сторону единомышленников.

Как известно, в структуру операции аргументации входит выявление альтернатив разрешения ситуации, их сопоставление и оценка, а также выбор одной из них. Поэтому наиболее частотными в сфере политического общения оказались выделенные нами *тактика контрастивного анализа, тактика видения перспективы, тактика обоснованных оценок, тактика иллюстрирования*. Заметим, что аргументативные тактики репрезентируются на синтаксическом и текстовом уровнях.

Выделяя в аргументативной стратегии *тактику обоснованных оценок*, мы имеем в виду суждения, при помощи которых оратор стремится объективно оценить предмет и обосновать свою оценку. На семантическом уровне это осуществляется установлением между частями аргументативного текста причинно-следственных отношений.

Оценочные контексты исследовались с прагматической точки зрения. Критерий отнесения их к тактике обоснованных оценок – является ли рассматриваемый фрагмент текста достаточным обоснованием для реализации коммуникативного намерения (дать оценку).

Чтобы стать хорошим аргументом, обоснованная оценка должна быть правильно построена. Возможны две речевые модели использования тактики обоснованных оценок. Модель А представляет собой рассуждение о том, что

данная оценка вызвана известными условиями (заключение от следствия к причине):

... понимаем / что сделать это абсолютно необходимо // Оно само не рассосётся // Мало того / если не добиться в ближайшее время перелома // в эту зиму будет хуже / чем было в прошлую // (А.Б. Чубайс) [ТВЦ, «Момент истины», 26.09.2003];

На мой взгляд / и на взгляд моих товарищей по партии / это очень опасное направление // Почему? Потому что проблемы просто так не уходят / не исчезают // они не уходят / они заходят все глубже и глубже // (Г.А. Явлинский) [НТВ, «Свобода слова», 5.12.2003];

Это нормальная позиция. Никаких тотальных пересмотров не нужно. Это коснулось бы миллионов граждан. В том числе тех, кто приватизировал квартиры, гаражи, мелкие предприятия (Е.М. Примаков) [АиФ, № 43, 2003].

Оценка нормальная позиция мотивирована неприятием и даже невозможностью иной позиции, что и обосновано во фрагменте.

Аналогично обоснованы следующие оценки:

СПС проиграло по двум простым / но очевидным всем причинам // Первая причина / что не договорились с «Яблоком» / не сделали общий список // <... > И вторая причина по которой вы проиграли / вы остались старыми / вы не изменились // (В.А. Рьжков) [НТВ, «Свобода слова», 2.04.2004];

О проблеме напомнила власть допустив серьезную ошибку // Она реально пошла на пересмотр итогов приватизации // (А.Б. Чубайс) [НТВ, «Свобода слова», 14.11.2003].

В модели В сначала приводится обоснование, а затем как следствие, обобщение дается оценка, то есть рассуждение о причинно-следственной зависимости представляет собой вывод о том, что при данном положении вещей результатом будет то или иное (заключение от причины к следствию):

Отсутствие действенной российской политики в СНГ / неизбежно влечёт за собой энергичное заполнение этого пространства более активными государствами // Вместе с тем не стоит увлекаться сентенциями о том / что никто кроме России не имеет права претендовать на лидерство на пространстве СНГ // Это в корне ошибочный / убаюкивающий / и дезориентирующий нас тезис // (В.В. Путин) [1 канал, «Время», 12.07.2004];
Архи борются за сохранение своего влияния. Поэтому оказывают поддержку партиям как справа, так и слева. Это совершенно новая ситуация (Е.М. Примаков) [АиФ, № 43, 2003];

Встречается использование двух оценок в одном фрагменте аргументативного текста:

оценка + ее обоснование + вторая оценка как следствие, вывод из предыдущего высказывания.

См.: *И инфляция у нас регулярно снижается // Прогноз был как раз двенадцать процентов // Мы его выдержали // И это тоже очень важный и существенный показатель* (В.В. Путин) [«Прямая линия», 18.12.2003].

Реже представлены формы реализации тактики обоснованных оценок посредством установления пояснительно-уточняющих отношений между частями высказывания. В этом случае, так же, как и в ранее рассмотренных, обоснование может следовать за оценкой (модель А), а может предшествовать оценочному суждению (модель В). См., например:

И я знаю что сейчас ТНК стоит дорого / дорого потому что порядок навели // Слава богу // (А.Б. Чубайс) [НТВ, «Свобода слова», 14.11.2003]

и:

Людам нужно объяснять, что под этим флагом их будут заставлять покупать худший товар за большую цену. Плохой «Москвич» по цене хорошей иномарки Это прямое нарушение интересов потребителя (Е.Т. Гайдар) [АиФ, № 17, 2003].

На лексико-семантическом уровне основная часть оценок в речи политиков - нейтральные, общепотребительные слова.

Наиболее часто оценка речи политиков выражается прилагательными и реже – причастиями: *самая болезненная (точка); (действия) разрушительные; честная (позиция); разные (позиции); (система) уникальна; абсолютная (катастрофа); (стратегия) опасна; важное стабилизирующее (значение); осознанная (политика), (угроза) значительна, а также именами существительными (неправда, вина, опасность, угроза, падение, провал) и наречиями, которые часто выступают в роли усилителей оценки: досконально (не разобрались); радикально (расширить); принципиально (другая картина); очень (серьезные изъяны); (ситуация стала) весьма (нестабильной); паразитально (разумное суждение)*

Характерно для выражения обоснованных оценок и употребление наречий в роли предиката: *важно изменить психологию по отношению к Чечне; но это очень полезно и для экономики, и для политики; нетрудно получить и коррумпированные расстрелы; игнорировать социальные проблемы опасно.*

Глаголы в роли обоснованных оценок обычно отмечаются в составе сложного предиката в сочетании с модальными словами (наречиями): *не нужно ничего отнимать; этого категорически нельзя допускать; нужно вносить изменения.*

В материалах исследования отрицательных оценок больше. Это объясняется тем, что политики выстраивают свой имидж, как правило, на критике оппонентов, правительства и т.п. См., например:

Ни правительство / ни кто другой / не могут так поступать // сдавать бандитам приговоренным к уничтожению своих граждан // Это совершенно невиданная вещь которая кажется мне совершенно беспрецедентной // Только очень ослабленное чувство гражданственности / государства / страны / может позволить делать такие вещи // (Г.А. Явлинский) [НТВ, «Герой дня», 14.02.2000].

Проведенный анализ материала показал, что в речи политических лидеров представлены как рациональные, так и эмоциональные виды оценок. Среди рациональных много оценок нормативного характера: *это правильно; так не бывает; в штатном порядке; оказывается не на уровне; здоровая основа; это стабильно; нормальная позиция; ситуация предсказуема; произвол; негатив; порядок; нарушение; угроза.*

Достаточно часто даются оценки утилитарного вида: *должна, нужно, надо, нельзя, невыгодно, полезно, важно, хорошо, плохо, трудная.*

Представленность эмоциональных оценок небольшая: *чуткая, пугливая среда; кощунственно говорить; железный политический закон; навязывают; кружим головы; интересы весьма неприглядные.*

В отличие от языка СМИ среди обоснованных оценок в наших материалах почти нет идеологических и связанных с характеристикой лиц, стоящих у власти. Для аргументативных текстов политиков более характерны рациональные оценки ситуации в стране.

Обращает на себя внимание использование в процедуре оценивания приема контраста – соположения с противопоставлением двух различающихся оценок, которые относятся к одному и тому же объекту. При этом идея, решение, предлагаемые адресантом, выражают положительную оценку.

На речевом уровне отношения контраста обычно реализуются высказыванием, включающим противительный союз *а* и частицу *не*: *амбициозные вожди поймут / что не они самые главные / а всё-таки страна* (Б.Е. Немцов) [НТВ, «Свобода слова», 2.04.2004]

Исследование устной формы политической коммуникации показывает, что высказанная адресантом позитивная оценка и в препозиции, и в постпозиции акцентируется с помощью просодических средств, в этом состоит и специфика, и определенные преимущества устной формы.

Разновидностью аргументативной стратегии является агитационная стратегия. Задача агитационной стратегии - воздействовать на поступки слушателей, чтобы побудить их к совершению определенного действия. Основное действие, к совершению которого «склоняют», т.е. призывают политики, - голосовать за того или иного кандидата, партию, движение, избирательный блок и т.д. При этом агитационная стратегия использует как аргументативные тактики, так и специфические *тактику обещания* и *тактику призыва*, реализующиеся в основном на лексическом уровне.

Проведенное исследование реализации аргументативной стратегии показало, что в речи политиков признаком аргументативной стратегии часто является использование контрастов, противопоставлений – временного плана, положительной и отрицательной оценочности, сопоставления в рамках обусловленного прогнозирования.

Характерно, что это противопоставление не столько отдельных понятий и ключевых слов, сколько противопоставление на уровне синтаксических структур текста. Текст аргументативного дискурса всегда состоит из более чем одного предложения. Текстовый уровень репрезентации аргументативных тактик обуславливает использование определенных средств когезии: союзов (*потому что, иначе, если, а и др.*), дейктических элементов как средства сцепления частей аргументативного текста (*тогда – сейчас* и т.п.), дискурсивов (*например, так, вот, далее...*).

При описании речевой репрезентации ряда тактик оказалось возможным представить их в виде речевых моделей, которые выявляются на уровне речевых структур и позволяют сравнить схему аргументации в речи различных политиков: речевые модели обусловленного и категорического прогнозирования, речевые модели контрастивного анализа, обоснованных оценок.

В целом, стратегии убеждения в своем речевом поведении используют политики, нацеленные на конструктивное общение с избирателями, журналистами, на цивилизованный диалог с политическими оппонентами. Аргументативные тактики, по нашим наблюдениям, используются такими политиками, как В.В. Путин, А.Б. Чубайс, В.А. Рыжков, Е.П. Гайдар, Е.М. Примаков, И.М. Хакамада, Б.Е. Немцов.

Выделенные и описанные тактики убеждения демонстрируют широкие возможности их использования в целях речевого воздействия.

Наряду с существованием специализированных тактик в устном политическом дискурсе элиты можно выделить и *неспецифические тактики, общие* для нескольких стратегий, например, *тактику дистанцирования, тактику солидаризации с адресатом, тактику критики, тактику учета ценностных ориентиров адресата* и другие.

Одной из наиболее частотных общих тактик в политическом дискурсе является *тактика дистанцирования*. Тактика дистанцирования, как и некоторые другие используемые политическими лидерами тактики политического дискурса, базируется на существующей в речи коммуникативной категории чуждости (Е.П. Захарова 2001).

Ключевые лексемы, представляющие концепт чуждости в русском языке, - *чуждой, чуждый*. Анализ словарных дефиниций концепта «чуждой» («чуждый») и наши наблюдения над текстами политического дискурса приводят к следующим выводам:

1 Для современного политического дискурса актуальными оказываются такие дифференциальные признаки этого концепта, как «стоящий в стороне от чего-либо», «непричастный чему-либо», «далекий по взглядам», «неприемлемый для кого-либо».

2 Особенностью политического дискурса является, по нашим наблюдениям, также неупотребление в текстах политических лидеров ключевых слов концепта - лексем «чужой», «чуждый». По-видимому, это пример семантической видовой лакуны — отсутствие слова и семемы при наличии концепта.

Многозначность выявленных сем концепта «чужой» («чуждый») является базой, на которой основывается использование коммуникантами различных тактик, приемов осуществления определенной стратегии в той или иной ситуации. Когнитивный подход позволяет дифференцировать тактику дистанцирования и агональные тактики и выделить семантические модели дистанцирования. Дистанцирование можно обозначить паролем «я не рядом», «я не такой». Смысл же агональных тактик выражается в пароле «я против».

В нашем материале семантика дистанцирования представлена оппозициями:

а) я, мы - он, они;

б) я, мы - вы.

Центральную роль в реализации оппозиции играют дейктические знаки, содержащие смысловой компонент «отдаления», «отстраненности»: «мы» - «они». «Мы» - это политический лидер, выступающий либо от себя, но чаще - от имени партии, организации, социальной группы. «Они», «чужие», могут быть названы поименно (*Николай Михайлович [Харитонов], Явлинский, Масхадов*), местоименными словами, привязанными к конкретной речевой ситуации (*некоторые, кто-то, другие*) или представлять партию, политическое движение, административный орган (*партия «Яблоко», «Единство», коммунисты, реформаторы, партия власти, правительство, губернаторы, министры, другие партии, олигархи, чиновники*).

Мы наблюдали следующие виды семантических клише тактики дистанцирования:

1) «Я не такой, как он» («мы не такие, как они») - дистанцирование от не участвующих в ситуации общения политических фигур. См.:

Журналист: Мне вот непонятна позиция Харитонова // Он так сказать ваш параллельный партнер / но так получается что он внес раскол //

А.А. Куваев: Мне тоже непонятно // Обычно Николай Михайлович заявления делает более взвешенные // Не знаю какая муха его укусила / уж я не склонен думать что это специально // Меня это тоже удивляет // [РТР,

«Зеркало», 13.04.2002] В данном примере речь идет о предложении Н.М. Харитонова поставить вопрос об исключении из КПРФ Г.Н. Селезнева. В качестве истинного инициатора этого предложения СМИ называли как раз А.А. Куваева. В этой ситуации политик стремится дистанцироваться от своего единомышленника Харитонова.

2) «Я не такой, как вы» - дистанцирование от непосредственного адресата - собеседника, оппонента:

В отличие от него [присутствующего в телестудии Н.И. Травкина - О.П.] я по всей стране бываю / и даже в республиках Советского Союза // Я не предавала своей партии как вы // (С. Умалатова) [РТР, «Выборы-99», 23.11.1999].

3) Более редкий случай и как производная модели «Я не такой, как вы» - дистанцирование от истинного адресата - электората:

Народ молчит // Люди говорят мне / «А мы за Ельцина не голосовали» // Что же на улице не говорите? Они покорные / они как рабы себя ведут // [РТР, «Выборы-2000», 21.03.2000]. Этот приём используется В.В. Жириновским для создания в представлении избирателей образа «Верховного правителя», способного вывести народ из глубокой пропасти.

4) «Я не рядом» - дистанцирование от событий, фактов политической и административной деятельности. Так, в ответ на вопрос В.В. Познера, несет ли И.М. Хакамада личную ответственность за отсутствие помощи малому бизнесу в свою бытность министром, она пытается дистанцироваться от ситуации с неудовлетворительным положением малого бизнеса:

Что / что же тогда было? Тотальный абсолютный саботаж со стороны всех министров / со стороны политической элиты / малого бизнеса / и внутри отношение к нему было презрительное // Я подписала у Ельцина указ о поддержке малого бизнеса / довольная и счастливая пошла с этим указом к министрам / и все они мне в лицо сказали / «Мы это делать не будем» // [1 канал, «Времена», 21.12.2001].

Языковые средства выражения дистанцирования показывают отличие этой тактики от агональных тактик. Специфика дистанцирования по сравнению с тактиками обвинения, оскорбления и др. заключается в малом использовании ярлыков. Наблюдения над речью представителей политической элиты показывают, что приемы дистанцирования от оппонента репрезентируются не столько на лексико-грамматическом уровне, сколько на уровне синтаксической структуры высказывания. В этом плане целесообразно рассматривать тактику дистанцирования как трехчленную модель, в которой, кроме оппозиции «мы - они» присутствует рематический компонент - предикат, выраженный словоформами лексико-семантического поля «отношение», «оценка» (*можем противостоять, занимаем оппозиционную нишу, критикуем институт правительства*).

В этой модели позиция говорящего является позицией свободного синтаксического замещения: в высказывании может отсутствовать местоимение *мы*, так как на говорящего указывает контекст, точно так же может отсутствовать существительное *власть*, так как на власть указывает ее критика (оппозиция всегда к власти)

В организации коммуникативной структуры высказывания с семантикой отстранения важную роль играет предикат, который является коммуникативным фокусом. Выделяются в политическом дискурсе следующие модели тактики дистанцирования.

1. Эксплицитная модель

а)

Позиция / была в том / моя / что / следует не допускать широкомасштабной военной операции в Чечне // Позиция моего оппонента / была в том что в Чечне возрождается российская армия / и каждый кто думает иначе / предатель // (Г.А. Явлинский) [НТВ, «Свобода слова», 5 12 2003];

б)

Почему у нас такое название / «Партия жизни»? // Все партии которые сейчас существуют / и в России / и многие за рубежом / это все партии девятнадцатого - двадцатого века // Все они основаны на каких-то классовых принципах // Это все идеологемы ушедшие // Главное сейчас / сейчас возникают так называемые партии новой волны во всем мире // Так вот «Партия жизни» это партия новой волны / поэтому у нас в названии нет слова типа...// Мы должны уйти от этих классовых оценок / мы даже показываем что все эти партии / все лежат на плоскости / а «Партия жизни» вертикально вверх / как цветок из-под асфальта // (С.М. Миронов) [1 канал, «Времени», 27.04.2003].

2 Имплицитная модель с начальной незамещенной позицией говорящего:

Журналист: *Вы неоднократно говорили о том, что нужно и можно вести переговоры с Масхадовым. Не как оппозиционный политик, а как человек, много раз претендовавший и по-прежнему претендующий на роль Президента России, вы можете поставить себя на место Президента после такого кризиса, как захват заложников на Дубровке?*

Г.А.Явлинский: *В результате этих событий изменилась, с моей точки зрения, роль самого Масхадова. Ни Масхадов, ни его представители никак не проявились в эти дни. Не было даже попытки почувствовать свою ответственность. И это меняет его собственное положение. Если говорить о переговорах, то надо понимать, что их надо вести с теми, кто имеет общественный авторитет, кто может принимать решения* [«Российская газета», 20.11.2002].

Так, тонко, не употребляя местоимение первого лица, Г.А. Явлинский дистанцируется от А. Масхадова, в близости к которому его еще недавно упрекали оппоненты.

Концептуальный признак категории чуждости «отдаление», «отстраненность» может репрезентироваться или а) через выражение говорящим оценки своей позиции, оценки мнения, действий представляемой политической партии, или б) через выражение отрицательной оценки действий, программ, взглядов оппонента. Направленность коммуникативного фокуса на говорящего имеет в целом положительную оценку, а направленность на оппонента носит негативно оценочный характер. Это наглядно демонстрирует сопоставление рематических компонентов, относящихся:

а) к субъекту оценки
«мы» (со знаком +)
*никогда не сделаем этого
делаем не в такой жесткой форме
в нейтральной позиции
можем противостоять
у нас есть Родина
критикуем
партия с определенной идеологией*

б) к объекту оценки
«они» (со знаком -)
*безуспешно пытается
окопалось в этом центре
понимают ли
отвергают
лукавят
зомбируют
нигде никак не реализовал*

*я – ни секунды (не сомневался)
партия новой волны*

*кто-то сомневался
ушедшие идеологиемы*

Тактика дистанцирования проявляется не только в организации коммуникативной структуры высказывания, но также и на текстовом уровне. Textoобразующая, смыслоорганизующая роль концепта чуждости связана, как правило, с рематической прогрессией, с рематической доминантой текста. Рассмотрим фрагмент реплики демократа К.А. Титова, который демонстрирует дистанцирование от отсутствующего в телестудии демократа Г.А. Явлинского:

Явлинскому нужно вообще снять свою кандидатуру // Хватит зомбировать народ своими идеями которые нигде никак он не реализовал // Три раза он пытается / три раза безуспешно // Нечего разбирать демократическое поле / пусть на здоровье спокойно работает в Думе // Он дал обещания людям / пусть хоть раз выполнит эти обещания // А здесь есть демократ-практик // Опираясь на тебя [депутата Явлинского] / на законодательство / умное разумное / он будет работать реализуя эти идеи вместе с тобой // [РТР, «Выборы-2000», 13.03.2000].

Сопоставление служит в этом примере текстообразующим стержнем, на который нанизываются ремы: *нужно снять кандидатуру — хватит зомбировать — нигде никак не реализовал — нечего разбирать демократическое поле — пусть хоть раз выполнит эти обещания.*

Таким образом создается рематическая прогрессия, дающая отрицательную оценку Явлинскому. Далее идея дистанцирования проявляется через противопоставление: *А здесь есть демократ-практик...* Тактика дистанцирования строится по эксплицитной модели «он — я».

Устный политический дискурс реализуется при участии политика в тех или иных событийных жанрах, включающих в себя как риторические, так и речевые жанры. Анализ подтвердил, что в более спонтанной диалогической речи, в отличие от монологической, значительное место могут занимать речевые жанры. В заранее подготовленной в письменной форме монологической речи господствуют риторические жанры.

Проведенный анализ показал, что в жанрах, используемых политиками, рвущимися к власти, преобладают диалогические формы, а для политика, добившегося власти, характерны как диалогические, так и монологические жанры. В устном политическом дискурсе наиболее частотны событийные диалогические жанры (теледебаты, «прямая линия»). При этом наблюдается трансформация традиционных жанров. Так, дебаты (например, парламентские) трансформируются в теледебаты: появляется пассивный адресат – наблюдатель, который не может вмешаться в обсуждение того или иного вопроса.

Иногда жанровые трансформации приводят к модификации жанров, в частности жанра интервью (по типу свертывания, по типу синтеза и по типу имитации).

Эволюция жанров, характеризующая современный политический дискурс, проявляется не только в некоторой трансформации и модификации существовавших жанров, но и в появлении новых жанров («прямая линия»).

В любом жанре у политика есть выбор как стратегий, так и тактик, но сам жанр накладывает на этот выбор свои ограничения, поэтому есть зависимость такого выбора от жанра (интервью или теледебаты, ток-шоу или «прямая линия», программная речь или инаугурационная и т.д.). Наблюдается зависимость выбора политиком стратегии речевого поведения от жанра. Так, жанр предвыборного обращения предполагает использование агитационной стратегии, жанр «прямой линии» – информационно-интерпретационной, жанр поздравительной речи – стратегии формирования эмоционального настроя и т.д.

Одним из слагаемых авторитета власти является риторическая грамотность высших ее представителей, политических лидеров страны.

Риторическая грамотность в нашем понимании включает в себя:

- 1) способность определить стратегию выступления,
- 2) способность реализовать планируемое влияние на адресата, выбрав средства, адекватные ему и ситуации, тактики и приемы эффективного воздействия,
- 3) способность управлять своим поведением и поведением адресата.

Наблюдения обнаружили в большинстве случаев невысокий уровень риторической грамотности российских политиков. Большинство из них или не знакомы с основами риторического мастерства или игнорируют их. Риторические неудачи политиков связаны с отсутствием обдуманной стратегии речевого поведения, с недоучетом фактора адресата, с нарушением партнерских правил толерантного речевого общения (и прежде всего с проявлением неуважения к оппоненту), с незнанием требований риторических жанров, с доминированием в речевом поведении типа языковой личности

В предвыборных парламентской и президентской кампаниях 1999–2000 годов наиболее очевидными являлись риторические неудачи, отмеченные прежде всего в теледебатах. Прямой адресат речи участника теледебатов (ведущий, другие участники) часто является второстепенным, так как на самом деле речевая деятельность направлена в основном на наблюдателей (телезрителей). Коммуникативная цель теледебатов – побудить избирателей проголосовать за определенную партию или определенного кандидата. Но наблюдения показывают, что участники теледебатов нередко упускали из виду как раз эту основную цель и истинного адресата общения, причем пре-

жде всего в таком типичном жанре теледебатов, как предвыборное обращение

Вместо того чтобы четко изложить свою позицию или позицию своей партии по предложенному ведущим вопросу, обратиться к избирателям с призывом голосовать за тот или иной избирательный блок, партию, движение, заострив внимание на его (её) основных приоритетах, заверить в верности выбранному пути, участники сосредоточивались на гневных обличениях ушедшего режима (коммунистов), существующего режима (демократов), своих оппонентов и пр.

Не последнюю роль в определении уровня риторической грамотности играет жанровая компетенция говорящего. Незнание особенностей жанровых форм политического дискурса (в частности, предвыборного обращения) мешает политическим лидерам создать эффективное, воздействующее речевое произведение.

Еще одна риторическая ошибка политиков заключается в том, что при отсутствии в их выступлениях рассуждений и аргументов они прибегают к обсуждению личности оппонента, брани, оскорблением – всем формам речевой агрессии. В пылу борьбы участники забывают об истинном адресате данной ситуации общения – телезрителях и не демонстрируют обдуманной стратегии речевого поведения в расчете на поддержку избирателей, которые, становясь свидетелями подобных перебранок, убеждаются, что продемонстрированная ими борьба за власть не имеет никакого отношения к интересам простых граждан.

Вместо подлинной риторической грамотности представители политической элиты зачастую демонстрируют эффективные уловки манипулирования общественным сознанием. Однако использование средств манипуляции не дает гарантии эффективности их действия. Выбор политиками конфронтационных стратегий, направленных на победу, далеко не всегда ведёт к прогнозируемому успеху, особенно если непосредственный адресат – оппонент в теледебатах – оказывается сильным противником и может нейтрализовать подобные приемы. С другой стороны, подготовленный слушатель (а таких в нашей стране становится все больше, благодаря, в том числе, и распространению риторического образования) правильно оценивает степень и средства воздействия, может различать элементы обычной целенаправленности общения и элементы манипулятивные, может осознать факт манипуляции и должным образом на нее среагировать.

Анализ реальных тактик, используемых некоторыми представителями политической элиты, показал, что, несмотря на представление о политике как об арене борьбы, политический дискурс не исключает возможность использования коммуникативных стратегий и тактик, лежащих в русле кооперативного сотрудничества, как оптимального варианта речевого поведения.

Среди политиков, чье речевое поведение было объектом наших наблюдений, наиболее высокий уровень риторической грамотности демонстрирует В.В. Путин.

Одним из слагаемых успеха на политическом поприще В В Путина является умелое использование им тактик стратегии самопрезентации – тактики отождествления и тактики солидаризации с адресатом в сочетании с максимально большим спектром языковых реализаций этих тактик.

Проблема индивидуального и коллективного проявляется в речи Путина прежде всего в явном преобладании в высказываниях коллективного. Так, программная речь содержит 20 случаев употребления местоимения *мы* и 11 «я»-предложений (имеются в виду как речевые структуры с наличием *я*, так и определенно-личные предложения с эллипсисом местоимения 1-го лица единственного числа), то есть соотношение *мы* – «я»-предложений 20 / 11; в ответах на вопросы доверенных лиц соотношение *мы* – «я»-предложений 68 / 37; в выступлении на пресс-конференции - 31 / 15.

Наблюдения позволили выявить специфику соотношения *я* / *мы* в дискурсе Путина: дейксис 1-го лица неодинаково представлен в его различных выступлениях. Это зависит от ситуации, жанра и темы. Соотношение *я* / *мы* в программном выступлении В.В. Путина складывается в пользу инклюзивного *мы*, так как президент подводит итоги четырехлетней совместной с правительством работы и излагает программу будущего развития страны, которая будет реализовываться им также совместно с правительством. В пресс-конференции «я»-предложений также меньше, особенно в тех эпизодах, где сообщается об отношении к ситуации в Ираке, в Грузии или разъясняется суть реформы ЖКХ. В «прямой линии», в ответах на вопросы доверенных лиц, наоборот, больше речевых структур с дейксисом 1-го лица единственного числа, так как здесь глава государства предлагает свой личный взгляд на проблемы страны, демонстрируя тем самым свою способность исполнять долг президента. Все это свидетельствует о том, что В.В. Путин очень тонко использует возможности русского синтаксиса, что помогает ему солидаризоваться с адресатом и заявить свои позиции.

Довольно часто в речи В.В. Путина *мы* означает «я и правительство». Именно такие речевые структуры преобладают в программном выступлении (11 из 20 высказываний с *мы*), в выступлении на пресс-конференции (28 из 31 «мы»-предложений), в «прямой линии» (18 из 34 высказываний с *мы*), что вполне соответствует целевой установке данных жанров. Наиболее частотной является форма именительного падежа, подчеркивающего идею коллегиального руководства государством:

Основной целью любых наших действий / является повышение качества жизни людей //;

В прошлом году / как и в предыдущие годы / мы выполнили все свои финансовые обязательства // [Программное выступление, 12.02.2004];

Мы выплатили семнадцать миллиардов долларов / страна этого даже не заметила // [«Прямая линия», 18.12.2003];

Мы будем модернизировать страну / мы будем действовать решительно / но постараемся каждый наш шаг объяснять // [РТР, Выступление перед журналистами в ночь после выборов, 15.03.2004];

Мы со своей стороны готовы поддержать / вот эти обоснованные проекты // [Пресс-конференция, 24.06.2002];

«Мы»-дискурс В.В. Путина неразрывно связан и с образом страны. Мы в значении «страна» манифестируется прежде всего личным местоимением мы в именительном и косвенных падежах и местоименным словом наш в значении «относящийся ко всем гражданам России».

Мы должны становиться / как я уже говорил отвечая на предыдущие вопросы / частью современного мира / частью цивилизованного мира / чтобы этот мир воспринимал нашу военную мощь как элемент безопасности на планете // [Ответы на вопросы доверенных лиц, 12.02.2004];

В заключение хотел бы сказать / события начала девяностых годов породили у наших людей огромные надежды и ожидания //;

Наша экономика до сих пор сохраняет очевидную сырьевую направленность // [Программное выступление, 12.02.2004].

Речевое поведение В.В. Путина показывает его стремление солидаризироваться с аудиторией, что выражается, в частности, в употреблении местоимения мы в именительном падеже и в формах косвенных падежей – нам, у нас в значении «я и вы». Использование инклюзивного дейксиса, выражающего присоединение говорящего к слушающим с целью установления контакта с ними и в конечном счете с целью убеждения в чем-либо, характерно в основном для диалогической речи. В «прямой линии» президент объединяется с прямым адресатом – человеком, задавшим вопрос (*Мы с вами должны подумать серьезно*), или со всеми телезрителями (*Конечно / вызывает озабоченность у всех нас / сможет ли государство справиться со своими прежде всего социальными обязательствами; Страховая система у нас сегодня недостаточно развита*). Такой приём подчёркивает, что говорящий видит в слушателях единомышленников, которые смотрят на важнейшие проблемы страны и оценивают их так же, как и он.

Путину-президенту свойственно смягчение, минимизация «я-темы». Это проявляется в выборе определённых синтаксических конструкций: пассивных, безличных, а также определённо-личных: *Нужно приводить в соответствие цены //; Принято решение заморозить это строительство //; Повторяю / это будет вводиться поэтапно // [«Прямая линия», 18.12.2001].*

Большая частотность безличных предложений у В В Путина указывает на самоотожествление Президента с государством, солидаризацию говорящего с аудиторией, так как высказанные им суждения не имеют личной отнесенности.

Наблюдения показали, что в речи Путина часто эллиминируется местоимение я. Больше конструкций с эллипсисом местоимения в программной речи, в ответах на вопросы доверенных лиц, в «прямой линии», в выступлениях на пресс-конференции.

Построение фразы от 1-го лица имеет задачу создать атмосферу достоверности в общении и тем самым влиять на сознание и мысли адресата. Кроме того, использование высказываний с местоимением 1-го лица единственного числа в таких диалогических жанрах, как «прямая линия», пресс-конференция, вызывается необходимостью выражения политиком личного мнения, индивидуальной позиции, на что указывает и семантика глагольных форм: *я думаю, я считаю, я повторяю, я подчеркиваю, я знаю, я убежден*

Эллипсис местоимения я является одним из средств снижения категоричности высказывания. Сравните, например, в этом плане минимизацию «я»-темы в речи В В. Путина и выпячивание «я», подчеркивание своего статуса у Б.Н. Ельцина (вспомним его излюбленное выражение «Я как Президент ...»).

Большая частотность употребления высказываний с эллипсисом местоимений отражает также динамику живой речи. Конструкции без я более динамичны, что отвечает процессу порождения устной речи и принципу экономии речевых средств, действующему в спонтанной речи. Они также позволяют избежать «яканья» в случаях насыщения текста формулами персонификации.

Наблюдения над употреблением предложений с местоимением 1-го лица единственного числа позволили выделить основные типы эксплицитного я в речи В.В. Путина: 1) я – глагол, подчеркивающий свою позицию, активизирующий ее; 2) я – дискурсив; 3) я – модальное слово долженствования (обязательство). Я для выражения своей позиции (*я считаю, что... , я абсолютно убежден в том, что... , я думаю, что... .*) отмечается во многих выступлениях В.В. Путина.

Минимизация «я-темы» в речи Путина закономерна, обоснованна и свидетельствует о его владении приемами солидаризации, что является одним из факторов устойчивой популярности этого политика.

Вместе с тем нельзя не отметить, что широкое использование В.В. Путиным тактик отождествления и солидаризации не означает полного сближения лидера и его народа. Президент умело соблюдает дистанцию между собой и избирателями. В его высказываниях ощущается роль «верховного арбитра», позиция «над схваткой».

В информационно-интерпретационной стратегии Путин удачно использует тактику разъяснения, тактику комментирования, а также тактику признания существования той или иной проблемы и тактику оценки проблемы.

Признание реальности существования проблемы – простой прием, но политические лидеры редко им пользуются. Населению не может не нравиться, что власть по крайней мере не закрывает глаза на существование проблем и тем самым как бы солидаризируется с народом в их оценке. Такая откровенность и искренность в беседах с простыми людьми (например, в «прямой линии») – еще одна из причин высокого рейтинга В.В. Путина.

Выражение согласия с оценкой проблемы, данной адресатом, тоже свидетельствует о стремлении к солидаризации с ним. С этого часто начинается ответ В.В. Путина.

Вы знаете / я уже много раз говорил / и считаю важным повторить еще раз что конечно наука образование для нас важнее чем энергоносители / чем нефть и газ // И разумеется государство должно уделять внимание науке // Согласен и с тем / что на протяжении долгих лет должного внимания не было // [«Прямая линия», 18.12.2001].

В.В. Путин часто обращается и к тактике акцентирования. При этом в функции актуализации значимой информации им с большим постоянством используются дискурсивы, чаще всего – своеобразные глагольные модели, в состав которых входят глагольные формы с семантической выделенности, подчеркивания самого главного: (я) подчеркиваю, (я) повторяю, (я) считаю, (я) думаю, (я) знаю, (я) убежден, (я) уверен и др.:

Но я абсолютно убежден / главное что у нас есть / это национальный характер //

Хотел бы подчеркнуть // этот вопрос крайне серьезный и будет нами тщательно / вдумчиво перерабатываться // [Программное выступление, 12.02.2004].

Наиболее характерным для Путина является употребление дискурсивов *я думаю, я считаю*, различающихся семантическими оттенками по степени выражения категоричности. Ср.:

Думаю, что для присутствующих здесь эта проблема также представляет определенный интерес (Вступительная речь на встрече с членами Российского союза промышленников и предпринимателей 31.05.2001) [<http://www.strana.ru>];

И я думаю что // что // соответствующим ведомствам / которые занимаются этой проблемой / как и в прошлом году / удастся решить все таки / решить вопрос / финансирования этого важного направления / оздоровления детей в летний период // [Пресс-конференция, 24.06.2002];

Я думаю вот эти повышения / они значительное / значит все они реально реализуются // [«Прямая линия», 18.12.2001];

и

Я считаю / что это могло бы быть обоснованным // [Пресс-конференция, 24.06.2002].

Важным элементом развертывания дискурсивного пространства в речи В.В. Путина помимо формул акцентирования являются дискурсивные слова в композиционно-строевой функции: *прежде всего, значит, действительно, вместе с тем, поэтому*. Характерно для Путина использование дискурсивного слова *вместе с тем*, зафиксированного больше всего в диалогических жанрах:

Что касается / что касается укрупнения регионов / то здесь / вот так у нас сложилось // так и в Конституции у нас записано / восемьдесят девять регионов // Вместе с тем очевидным является то обстоятельство / что ряд регионов страны являются экономически несамостоятельными / им трудно существовать / они вряд ли когда-нибудь в обозримом историческом будущем станут самодостаточными // В этом смысле / может быть / объединение с соседями является обоснованным и правильным // Вместе с тем / хочу это подчеркнуть / решение о возможном разьединении и объединении Конституцией Российской Федерации отведено исключительно к компетенции самих регионов // [Пресс-конференция, 24.06.2002].

В данном примере представлено рассуждение, в котором введение дополнительной информации о проблеме не ставит под сомнение релевантность левого контекста, а лишь показывает, что этой точки зрения недостаточно для того, чтобы оценить ситуацию в целом, что необходимо учесть все обстоятельства и он, Путин, стремится это сделать.

Неоднократное обращение к дискурсиву *вместе с тем* в речи В.В. Путина свидетельствует о том, что президент стремится представить ситуацию и оценить какую-либо проблему с разных сторон, чтобы граждане могли получить полную информацию по рассматриваемому важному для них вопросу.

В целом, употребление дискурсивных слов позволяет выстроить аргументативный, логически стройный текст, что характерно для речевой манеры В.В. Путина, создания его имиджа человека, способного и привыкшего рассуждать, ничего не делающего «с насюка», под влиянием минуты. Дискурсивы смягчают категоричность, подчеркивая неодносторонность проблемы, учет говорящим разных обстоятельств, и в этом риторический смысл употребления дискурсивов

Выделение значимой информации в высказываниях Путина осуществляется с помощью различных языковых средств, в том числе и на лексическом уровне с помощью интенсификаторов, передаваемых наречиями меры и степени *очень, крайне, абсолютно*.

Обращает на себя внимание неоднократное употребление наречия *аккуратно* в значении «точно». «продуманно», «постепенно», часто в сочетании с интенсификатором *очень*: *Мы будем действовать последовательно / настойчиво но очень аккуратно в этом отношении //; Нужно развивать систему платных услуг / но делать это конечно аккуратно //; Здесь нужно подходить очень аккуратно ко всем процессам / которые происходят в этой сфере //*

Употребление наречия *аккуратно* в значении «точно», «продуманно», «постепенно» тоже способствует созданию имиджа человека всё взвешивающего, а не действующего сгоряча.

Усилению выразительности речи и актуализации определенных компонентов содержания высказывания на синтаксическом уровне способствует использование В.В. Путиным парцелированных конструкций. Насыщение речи такими расчленёнными конструкциями повышает экспрессивно-эмоциональный уровень текста:

И сейчас я / прежде всего / обращаюсь со словами поддержки и сопереживания к людям / потерявшим самое дорогое в жизни // Своих детей / своих родных и близких //

Мы имеем дело с прямой интервенцией международного террора против России // С тотальной / жестокой / полномасштабной войной / которая вновь и вновь уносит жизни наших соотечественников //; И казалось бы / у нас есть выбор / дать им отпор или согласиться с их притязаниями // Сдаться / позволить разрушить и растащить Россию в надежде на то что они в конце концов оставят нас в покое // [Обращение Президента РФ к российскому народу, 4.09 2004].

Подобные построения облегчают восприятие речи адресатом, что очень важно для слушающих.

Помогает Президенту выделить наиболее значительное в сообщении и приём повтора:

До начала событий в Ираке / их анализ был таким / который полностью совпал / хочу это подчеркнуть / полностью совпал / как развивались события / полностью //

Наша разведка фиксировала каждый пуск / каждый вылет самолета / каждое попадание / каждый промах самолета // В этом смысле наша разведслужба работала эффективно // [Пресс-конференция, 24.06 2002]

Однако следует различать повторы как прием акцентирования и повторы как факт спонтанности речи. Для последних характерна пауза обдумывания, сопровождающаяся иногда и перестройкой фразы, конструкциями наложения, что свойственно устной спонтанной речи. См.:

Вы знаете что / и крупные компании обращают на это внимание / правительство / выстраивает свое / свою / свою политику в этой сфере / в

отдельных регионах проводятся / проводят эксперименты / [Пресс-конференция, 24.06.2002].

Показателем риторической грамотности В.В. Путина в «прямой линии» является использование им приемов установления контакта с адресатом, таким, например, как обращение по имени или по имени и отчеству. Как правило, установление контакта происходит в начале ответного высказывания, но в ряде коммуникативных эпизодов он поддерживает этот контакт обращением к непосредственному адресату на протяжении всего ответа: *На это я хотел бы обратить ваше внимание / как будущего специалиста в области международных отношений //*

Вообще, уважительное отношение ко всем собеседникам на протяжении всего разговора, начиная с приветствия, - отличительная черта В.В. Путина.

В создании психологической и социально-этической атмосферы общения немаловажное значение имеет тональность. В «прямой линии» тональность общения определяется нейтральной тональностью В.В. Путина.

Риторическая грамотность президента проявляется и в его умении учитывать запреты сразу нескольких социальных групп, иногда групп с прямо противоположными интересами. Но прежде всего для Путина важны общенациональные, государственные ценности, такие, как «единство России», «великая Россия», «гражданственность». Поэтому эти слова в качестве ключевых звучат в его воодушевляющих речах.

Все изложенное убеждает, что высокий уровень доверия населения страны Президенту складывается в основном из позитивного отношения не только к делам, но и к словам Путина. Он виртуозно владеет «политикой слова», проникающего в души простых граждан. Способствует имиджу Путина и употребление разговорных слов и выражений, пословиц, крылатых слов: *ещё лучше сработало сельское хозяйство; это всегда в плюс, это отличная песня; но это по-честному; сидеть по углам по разные стороны баррикад и держать друг друга на мушке - самый плохой путь к решению проблемы; это не значит, что мы должны всё рассыпать и все карманы вывернуть* и т.п. В основном они рассчитаны на понимание всеми слоями населения, отсюда их разговорность, а не книжность.

Рисуя коммуникативный портрет политического лидера, никак нельзя обойти стороной такую черту, как способность к согласованности своего дискурсивного поведения с действиями партнера по социально-коммуникативному взаимодействию (см работы КФ Седова). По нашим наблюдениям, В.В. Путин относится к кооперативному типу языковой личности и – конкретнее – к его кооперативно-актуализаторскому подтипу.

Если В.В. Путин в своих выступлениях реализует информационно-интерпретационную и аргументативную стратегии, то многие политики, бо-

рющиеся за власть, выбирают стратегии дискредитации и нападения. К таким политикам и принадлежит Д.О. Рогозин. В его арсенале - довольно часто используемые им тактики обвинения и оскорбления, причем обвинения в его речах огульны и бездоказательны. См., напр.:

Когда СПС начинает рассуждать о профессиональной армии / честное слово / мне как-то не по себе становится // Почему СПС об этом говорит? Именно эта организация / эти люди и их премьер Гайдар был там в свое время премьером / который потакал государственному мятежу в Чечне / продолжал финансировать его за счет нефти и попустительствовал в отношении боевиков // Это они на самом деле создали ситуацию / при которой сегодня мы испытываем серьезные проблемы //;

Десять лет вы у власти были / вы создали олигархический капитализм сегодня // [НТВ, «Свобода слова», 28.11.2003];

Я вижу прямую связь / между вами / патронами / политическими патронами терроризма / и Березовским //;

в Государственной Думе в тот момент сидели сволочи / которые организовали позор нашей страны // [НТВ, «Свобода слова», 5.12.2003].

Цель скомпрометировать лидеров СПС Рогозин осуществляет с помощью демагогических и манипулятивных приемов: необоснованных оценок, подтасовки фактов и т.п. Так, он без достаточных оснований обвиняет в помощи чеченским боевикам Е.Т. Гайдара, используя тактику компрометации, пытается опорочить Б.Е. Немцова, связав его имя с террористическим актом – захватом заложников на Дубровке:

Я напому между прочим / что именно Гайдар / несмотря на все предупреждения Совета безопасности России / будучи руководителем правительства Российской Федерации / не прекращал знать в Чечню нефть / не прекращал / хотя было понятно что это была подпитка боевиков //;

Борис / Немцов / Я хотел бы напомнить вам другой момент // Вы за несколько дней до взятия заложников на Дубровке ездили в Лондон и встречались с Березовским // Может быть здесь в этой аудитории вы расскажете / о чем вы говорили с Березовским // Что он вам сказал о предстоящих событиях? // Скажите правду Борис // [НТВ, «Свобода слова», 5.12.2003].

Лидер «Родины» часто прибегает и к софизмам, таким, как «навязанное следствие», «предвосхищение основания» и др. Например, в ответ на вопрос, как в списках руководимого им предвыборного блока оказался крупный банкир А. Лебедев, Д.О. Рогозин отвечает:

Не надо путать олигархов и крупный национальный бизнес! На Лебедева уголовных дел не заведено [АиФ, № 46, 2003]. Но сначала надо ещё доказать, что олигархи – это бизнесмены, находящиеся под следствием, а Рогозин из этого исходит как из само собой разумеющегося.

Тексты речей Д.О. Рогозина часто представляют псевдоаргументацию. Так, допустимый в полемике прием «доведения до абсурда» сознательно трансформируется политиком в спекулятивную тактику гиперболизации, утрирования. При этом абсурдна не мысль оппонента, а её развитие, предлагаемое говорящим:

Все в духе Чубайса, он, видимо, по себе измеряет. С такими установками можно и Южные Курилы отдать японцам, поскольку у тех деньжата тоже водятся, и, наверное, побольше, чем у нас. Китайцы на наш Дальний Восток скоро скопят (их полтора миллиарда), скинутся по доллару – и дело в шляпе. А американцы могут с таким руководством и сами в Крым залезть. Останется только им путь освещать [АиФ, №46, 2003].

В теледебатах Рогозин, представляющий собой конфликтный тип языковой личности, – агрессивно нападающий политик, допускающий грубые оскорбления, субъективное опорочивание оппонентов и нарушения этических норм. Он позволяет себе такое обращение к оппоненту: *ты, Боря, Борис*.

Характерные для Рогозина оскорбительные выпады против оппонентов, выражающие пренебрежительное, уничижительное мнение, на речевом уровне довольно часто могут выражаться в использовании рефлексивов: *эти «реформаторы»; так называемые «правые»* и т.п.

Унижающие рефлексивы в функции метакомментирования и оскорбительные высказывания Рогозин допускает и в ситуации, когда это относится не к оппонентам, а, например, к независимым ныне государствам:

Есть такие, с позволения сказать, суверенитеты из числа бывших союзных республик, которые, как сбежавший из дома золотушный недоросль, без родительского присмотра обовшивели и распустивший соплю до пупа, канючит, чтобы их «пустили» в ВТО, взяли в НАТО [«АиФ. Свободный взгляд», № 11, 2003];

Что там [на Украине – О.П.] происходит? Обычный ушлый подход / когда надо остров захватить //;

Да и собственно говоря никакой администрации [в Ираке – О.П.] не будет // Это просто будут какие-то люди из диаспоры // Они будут представлять / скорее всего каждой твари по паре / то есть будут там и курды / и сунниты / и шииты и тэ дэ и тэ дэ разных взглядов и прочее // [1 канал, «Основной инстинкт», 10.10.2003].

Безусловно, речь Д.О. Рогозина яркая, образная, насыщенная фразеологизмами, в том числе из сферы обиходного общения. Однако они часто носят оскорбительный оттенок:

Анатолий Борисович слышал звон, да не знает где он; А потому глупо рассчитывать, что Чубайс когда-то сможет хотя бы под нос себе что-то невнятное пробормотать против Америки; Стало быть, все его имперские

потуги преследуют одну цель – вычистить дяде Сэму баишаки и стать прокуратором на подчиненной ему территории [«АиФ. Свободный взгляд», № 11, 2003].

В последнем примере использование исторической аллюзии свидетельствует об определенной начитанности и образованности политика. Об этом говорит использование им исторических аналогий, прецедентных литературных источников, дискурсивных слов книжного стиля (*более того, скажем, стало быть, сколь.., столь..*), употребление книжной лексики (*либерализация, репатриация, прецеденты, властные полномочия, мы должны априори признать* и т.п.), большого количества метафор (можно даже говорить о метафорическом стиле его речи) Однако это не мешает политику в пылу дебатов употреблять инвективы и даже табуированную лексику и почти всегда демонстрировать склонность к эпатированию публики:

Сначала наблюдали за этим / им было выгодно вырастить мятеж // Потом бросили туда восемнадцатилетних мальчишек под пулеметы профессионалов боевиков // Они уничтожили армию // Они её / извините за выражение / обосрали через средства массовой информации // [НТВ, «Свобода слова», 28.11.2003].

Идиоматические выражения у Д.О. Рогозина довольно часто воспроизводятся неточно, что свидетельствует о речевой небрежности политика или о попытке (вряд ли успешной) имитировать не штампованность, а творческое своеобразие речи:

Значит первый вариант испуга / лапки кверху лапы вниз //; Сто процентов я согласен; Нас как зайцев используют / понимаете // Накладывают леца / мы начинаем его обсуждать / принимаем за чистую монету //; Но если американцы / под предлогом борьбы с международным терроризмом будут решать свои шкурные / корыстные задачи / мы не будем твердить как попка-дурачок / что мы партнёры навсегда // [1 канал, «Основной инстинкт», 10.10.2003].

Разговорные и просторечные элементы в речи Рогозина создают образ «своего парня» (но не «простого человека»). Образность речи, обращение к эмоциям массового адресата также сильный элемент речевого воздействия политического лидера.

Другая составляющая Д.О. Рогозина как ратора – умелое использование им тактики учета ценностных ориентиров адресата. В острой предвыборной борьбе за голоса избирателей он ориентируется прежде всего на ту часть электората, которой дороги социалистические идеалы. Поэтому в своих выступлениях он, опираясь на групповые ценности своих потенциальных избирателей, обрушивается на всевластие олигархии.

И я уверен в том / что все равно главная задача это борьба с бедностью // И главный враг сегодня в этой борьбе / это олигархические структуры // [НТВ, «Свобода слова», 21.11.2003].

Национальная ценность, к которой апеллирует Д.О. Рогозин, – это «великая Россия» и ее героическое прошлое:

Мы воюем всю историю России / такова Россия / она очень богатая страна / она огромная страна // Напали на нас с запада сколько захватчиков было / одновременно появлялась угроза с востока // Мы всю жизнь воюем / мы даже толком не знаем сколько у нас погибло нашего населения защищая нашу свободу и независимость // Но Россия всегда отличалась тем что не за страх а за совесть / защищала она свою независимость своими сыновьями своими дочерьми / и никогда не была под длительной оккупацией освобождая себя всякий раз // [НТВ, «Свобода слова», 28.11.2003].

Д.О. Рогозин апеллирует к ценностям разных социальных, профессиональных, региональных и возрастных групп – крестьян, военных, учителей, молодежи, пенсионеров и т.п. Вот как политик, учитывая неприязненное отношение провинции к столице, противопоставляет «сытую Москву» (в которой, кстати, сам живет) бедному российскому крестьянству, за которое он так радует:

Мне кажется что во всей этой дискуссии перепалке / когда идут обвинения друг друга в каких-то там немислимых грехах / мы просто забываем в самом деле / как живет крестьянство // Я просто хотел здесь поддержать аграриев / потому что из московской студии / достаточно сытого ухоженного города / очень тяжело понять что такое вообще русская глубинка сегодня // [НТВ, «Свобода слова», 21.11.2003].

Эмоционально звучат слова Рогозина в защиту армии (честь офицера, престиж службы), вызывая «присоединение» офицеров, военных пенсионеров, членов их семей к «мыслям и чувствам» оратора:

её [армию – О.П.] разгромили лет пятнадцать назад / и потом мы помним те годы в начале девяностых / когда офицеры стеснялись в военной форме в метро ездить // Понимаете / когда человек идет в армию то он доверяет государству самое главное / он отдает право распоряжаться своей собственной жизнью / и какая-то компенсация / я думаю что две компенсации / должна ему быть // Первое это материальный достаток / чтобы он не думал о своей семье о своих детях / и второе это престижность вооруженных сил //;

. . . была такая антиармейская пропаганда / по всем телеканалам / во время первой войны в Чечне // Это надо вспомнить / что вы [СПС – О.П.] сделали с честью офицера / с престижем службы в российской армии // [НТВ, «Свобода слова», 28.11.2003].

На наш взгляд, именно учет национальных и групповых ценностей различных слоев российского общества, бойкая образная речь, не нагруженная терминами и усложненными синтаксическими конструкциями, понятная широким народным массам, наступательная, агрессивная по отношению к «чужим», ненавидимым «олигархам», Чубайсу, создание имиджа «своего парня» более всего способствовали привлечению внимания значительной части избирателей к лидеру блока «Родина».

Полную противоположность Д.О. Рогозину являет такой неоднозначный политик, как А.Б. Чубайс. Его речь, четкая, строго логичная, подчинена единому замыслу - убедить адресата в своей точке зрения. В речевом поведении он в основном реализует аргументативную стратегию.

При использовании этим политиком аргументативной тактики иллюстрирования очень часто встречаются факты, подтверждаемые статистическими данными. При этом Чубайс нередко даёт статистические данные в сопоставлении, реализуя таким образом прием контрастивного анализа:

Мы выбрали не вполне одинаковые пути // Мы по-разному продвигались эти двенадцать лет // Мы [Россия – О.П.] продвигались трудней / болезненнее / тяжелей // Вы [Белоруссия] передвигались более плавно // В этом были наверно / были ваши преимущества // Только вот если подвести итог / этим двенадцати годам / то факт состоит в том / что сегодня Россия лидер по всем базовым показателям // По валовому внутреннему продукту на душу населения в полтора раза выше в России чем в Белоруссии / по средней заработной плате / сто семьдесят долларов // [НТВ, «Свобода слова», 24.10.2003].

Пытаясь, видимо, не утомить электорат цифровыми данными, Чубайс прибегает и к такому аргументу, как конкретный пример:

А посмотрите торговлю Сначала были бабушки с носочками .Потом ларьки Дальше торговля в магазины перешла. Теперь супермаркеты, гиперкомплексы заполнили. Гигантские инвестиции. Это и есть живая реакция экономики на реальный живой спрос [«Комсомольская правда», 19.09.2003].

Эти приемы характеризуют А.Б. Чубайса как человека мыслящего логично и в то же время конкретно, что немаловажно для восприятия аргументации адресатом.

Выражая собственный взгляд на ту или иную проблему, Чубайс дает свою оценку ситуации. И эти оценки всегда обоснованы:

Я-то знаю / что если ТНК продает свою компанию реально / она продает потому что ей это выгодно // А почему это выгодно? Выгодно потому / что за то время пока она владела ею / порядок там наводила / она дорожке стоить стала // [НТВ, «Свобода слова», 14.11.2003].

Нередко обоснование выливается в пространное разъяснение, комментирование собственной позиции. Обычно такие приемы начинаются фразами:

это не так, все наоборот, парадокс в том, ответ состоит в том и дискурсивными словами а для того, и от того, так вот, только (в сопоставительном значении). В качестве оценок, используемых А.Б. Чубайсом, частотны слова *выгодно – невыгодно, плохо – неплохо, неправильно, важно*, что характеризует его не только как политика, но и как управленца-прагматика.

Структура синтаксического целого строится Чубайсом с учетом фасцинативного фактора, таким образом, чтобы облегчить слушателям восприятие. Поэтому частотны вопросительные предложения в функции самовопроса, привлекающего внимание к проблеме. Затем следует разъяснение:

Не нравится // Неприятно // Тяжело // Больно // И что из этого? Один ответ / делай то что можешь делать / достраивай то что строишь // [ТВЦ, «Момент истины», 28.06.2003].

Такие структуры в то же время очень экспрессивны.

При оспаривании, несогласии с мнением оппонента характерны следующие приемы:

1) прием признания правильности оценки ситуации со стороны оппонента: *И главное что я для себя понял / что политики застряли / причем видно основательно увязли // Мы забуксовали // Мы забуксовали в вопросе / который имеет стратегическое значение и в этом Александр Григорьевич абсолютно прав //*

2) прием приглашения, обращенный к оппоненту, разобраться в спорном вопросе, учесть другие факторы, влияющие на ситуацию, часто выражается повелительной формой глаголов со значением совместности действия: *Давайте попробуем чуть-чуть приподняться над вот этой вот политико-правовой стороной дела //; Вернемся к реалиям / реалиям / которые показывают этот самый уровень жизни //*

3) возражение, несогласие без нарушений этики спора, обычно выражающееся фразой: *Да не так это; Ну не так это; Ну что вы // да нет таких цифр; Это безусловно так // Это факт // Но другая сторона этого факта состоит в том,, что по факту реальный отрыв и в уровне жизни между Россией и Белоруссией // [НТВ, «Свобода слова», 24.10.2003].*

Вместе с тем Чубайсу свойственно выражать в категоричной форме свою позицию. Излюбленными фразами в этом случае являются наречия меры и степени: *категорически* (не согласен), *безусловно* (это так), *абсолютно* (так), *абсолютно* (ясно), *абсолютно* (катастрофическая ситуация), *равно наоборот*.

А.Б. Чубайсу часто приходится защищаться, возражать, разъяснять свою позицию. Его любимые слова: *абсолютно* (синоним *безусловно*); *категорически не согласен*; *это не так*; *парадокс*; *все наоборот*; *реально* – и стереотипы: *дорогого стоит*; *парадокс, но факт*; *я про качество жизни говорю*; *работать в режиме расчистки завалов*.

Чубайс умелый полемист, не теряющийся под градом обвинений и оскорблений. Его выдержанность, стойкость, умение аргументировать, корректно, без примеси бурных эмоций парировать выпады, мягкая ирония, сдержанная экспрессия – свидетельство определенной риторической и коммуникативной грамотности политика.

Однако вряд ли можно назвать А.Б. Чубайса образцом риторической грамотности. Он, как и другие лидеры СПС, недоучитывает важность и эффективность такой базовой для политического дискурса тактики, как тактика учета ценностных ориентиров адресата.

Итак, использованные методы языкового анализа материалов политического дискурса позволили систематизировать факты речевого поведения представителей российской политической элиты.

Исследование тактик в коммуникативно-прагматическом аспекте позволило определить их речевую специфику на разных уровнях языковой системы. Речевые маркеры тактик проявляются не только на лексическом уровне, но и на уровне высказывания и текстовом уровне.

Анализ показал, что эффективность стратегий и тактик зависит от ситуации общения, жанра речи, учета говорящим особенностей адресата, а их выбор во многом определяется типом речевой культуры и типом языковой личности политического лидера по его способности к кооперации в речевом поведении. Так, при выборе агональных тактик Д. О. Рогозин и В.В. Жириновский явно проявляют склонность к использованию тактики оскорбления и манипулятивных тактик, Г.А. Зюганов – к использованию тактики обвинения и демагогических приёмов, а Г.Н. Селезнев – тактики критики и тактики оспаривания.

Эффективность речевого воздействия политика во многом зависит и от уровня его риторической грамотности, что проявляется прежде всего в умелом использовании коммуникативных стратегий и тактик. В целом, успех речевого воздействия обеспечивается набором тактик, а эффективное применение тактик зависит и от выбора их речевого воплощения.

В зависимости от особенностей и типа языковой личности, используя возможность выбора, политики применяют тактики по-разному. Из возможного потенциала тактик политик выбирает те речевые средства, которые и формируют его политический речевой стиль и имидж в целом.

Особую роль в политической коммуникации играет аргументативная стратегия. Широкое использование аргументативных тактик может свидетельствовать об универсальном характере аргументативной стратегии и об ее особом положении в ряду других стратегий политического дискурса. Наиболее полно аргументативная стратегия реализуется в жанре программного выступления.

Политическая коммуникация в России реализуется в многообразии применяемых стратегий и тактик, не всегда, к сожалению, демонстрируя избирателям риторическую грамотность политиков.

**Основные положения диссертации отражены
в следующих публикациях:**

1. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России. Монография. – Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. техн. ун-та, 2004.
2. Концепт «чужой» в реализации тактики дистанцирования (на материале политического дискурса) // Филологические науки. – М., 2004. – № 2. – С. 85-94.
3. Стратегия и тактики самопрезентации в речевом поведении современных российских политиков // Научная мысль Кавказа. – Ростов-на-Дону, 2004. – № 5. – С. 144-151.
4. Категория толерантности в политическом дискурсе // Язык и межкультурная коммуникация. - Пятигорск: Изд-во Пятигорск. гос. лингв. ун-та, 2002. - С. 53-59.
5. Специфика жанровой формы теледебатов // Жанры речи: Сборник научных статей. - Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып.3. - С. 226-231.
6. Виды диалога в политическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып.2.- С. 91-98.
7. Риторический анализ предвыборных теледебатов 1999–2000 гг. // Язык и власть: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – С. 34-44.
8. Стратегии борьбы за власть в политическом дискурсе // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. – Вып.3. – С. 75-83.
9. Приемы реализации стратегии самопрезентации в речи административно-политической элиты // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып. 4. – С. 25-34.
10. Степень риторической грамотности политика как один из факторов его авторитетности // Проблемы речевой коммуникации: Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. – Вып. 4. – С. 34-42.
11. Тактики и приемы манипуляции в речевом поведении российских политиков // Вестник АГТУ. – Астрахань: Изд-во Астр. гос. техн. ун-та, 2004. – № 3 (22). – С. 291-296.

12. Обращение как риторический жанр (на материале предвыборных обращений астраханских политиков) // Современная поэзия и проза Астрахани. - Астрахань: Изд-во Астрахан. обл. ин-та усоверш. учителей, 2000. - С. 197-200.

13. Стратегии речевого поведения в современном политическом дискурсе // Материалы Международной конференции, посвященной 70-летию АГТУ. - Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. техн. ун-та, 2000. - Т.2. - С. 455-459.

14. Становление жанровых форм в агитационно-политическом дискурсе // Речевая структура русского общества XVII - XXI вв. (Проблемы риторики и стилистики): Материалы Международной научной конференции (13-14 мая 2002 г). - Астрахань: Изд-во Астрахан. гос. пед. ун-та, 2002. - С. 51-54.

15. Речевой портрет современного политического лидера // Научный вестник Астраханского филиала ВАГС: Сб. науч. работ преподавателей. - Волгоград: Изд-во Волгоград академии гос. службы, 2003. - Выпуск 1. - С. 70-73.

16. Агональные стратегии в речи современных российских политиков // Материалы Всероссийской научной конференции «Русский язык в контексте реформирования российского общества» (г. Саратов, 5-6 июня 2003г.). - М.: Изд-во Рос. гос. торг-эконом. ун-та, 2003. - С. 54-56.

17. Жанровые метаморфозы (на материале политического интервью) // Анализ литературного произведения в вузе: Материалы межрегиональной научно - практической конференции. - Астрахань: Изд-во Астрахан обл. ин-та усоверш. учителей, 2003. - С. 14-17.

18. Обучение тактикам аргументации (на материале политических текстов) // Риторика в модернизации образования: Материалы докладов участников Восьмой международной конференции по риторике (Москва, 2-4 февраля 2004 г.). - М.: Изд-во МПГУ, 2004. - С. 192-193.

19. Виды коммуникативных стратегий в политическом дискурсе // Русский язык: исторические судьбы и современность: II Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, филологический факультет, 18-21 марта 2004 г.): Труды и материалы - М.: Изд-во Моск. ун-та, 2004. - С. 22.

20. Аргументативная стратегия в политической коммуникации // Материалы второй Международной конференции «Коммуникация: концептуальные и прикладные аспекты» («Коммуникация-2004») - "Communication: Theoretical Approaches and Practical Application" (Communication-2004). - Ростов н/Д: Изд-во Ин-та управления, бизнеса и права, 2004 г. - С. 176-177.

21. Аргументативная тактика обоснованных оценок (на материале политического дискурса) // Россия и Восток. Феномен сознания: интегральное

видение: Труды Международной научной конференции. 9-12 сентября 2004 г. – Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 2004. – С. 93-96.

22. Обучение риторическим жанрам взрослой аудитории // Риторическая культура в современном обществе: Тезисы IV Международной конференции по риторике (26 - 28 января 2000 г.) – М.: Гос. ин-т русск. яз. им. А.С.Пушкина, 2000. - С. 70-71.

23. Риторическая культура политика // Риторика в системе гуманитарного знания. Тезисы VII Международной конференции по риторике. 29-31 января 2003 г. – М.: Гос. ин-т русск. яз. им. А.С. Пушкина, 2003. - С. 260-261.

О. Пер